МИССИОНЕРСКАЯ ПОЗИЦИЯ

МАТЬ ТЕРЕЗА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

КРИСТОФЕР ХИТЧЕНС

МИССИОНЕРСКАЯ ПОЗИЦИЯ

МАТЬ ТЕРЕЗА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Кристофер Хитченс

Для Эдвина и Гертруды Блю:

святых, но светских.

Предисловие

В середине прошлого десятилетия, в великий период своего политического отступничества, Кристофер Хитченс часто принимал вместе со своими старшими левыми приятелями горстку молодых консервативных журналистов и оперативников, и все они не только были в восторге от того, что находятся в его компании, но также благодарны и глубоко успокоены тем, что на их стороне войны в Ираке, великого разделения того исторического момента, оказался такой высококлассный интеллектуал.

Я тихонько улыбался, пока эти молодые люди подбадривали его и слушали. Подождите, думал я, зная, что наступит момент, когда идеологическому скрипачу придется платить, когда ведущий сменит тему, и серьезные и счастливые молодые люди будут вынуждены смотреть на свои туфли и бормотать: «О, ну да, я полагаю». Мне нравится думать об этом как о Моменте Матери Терезы, названном в честь самого возмутительного культурного инакомыслия Хитча, но применимом к любой теме, которая может напугать солдат-христиан администрации Буша, заставив их вспомнить, что, за исключением Саддама Хусейна, Хитч оставался полностью своим нереконструированным светским и социалистическим «Я».

Пренебрежительное отношение Хитченса к «вороватому фанатичному албанскому карлику» — т. е. к Матери Терезе — стало настолько известным, что новые читатели «*Миссионерской позиции»* могут быть удивлены, обнаружив, что эта фраза нигде не встречается в этом небольшом томе. Если основное название книги вызывает хохот, то ее подзаголовок («Мать Тереза в теории и на практике») более точно соответствует ее духу. «Миссионерская позиция» вовсе не является каким-то гоготом осквернения или даже богохульством плохого мальчика. На самом деле *«Миссионерская позиция»* представляет собой скромное, рациональное исследование, спокойное поднятие завесы, скрывающей священную тему. «Как только принимается решение обойтись без благоговения хотя бы на мгновение, — пишет Хитченс, — феномен Матери Терезы принимает размеры обыденности и даже политики». Автор хочет изучить публичные заявления своего субъекта, ее финансы, проекты и партнеров и судить «о репутации Матери Терезы по ее действиям и словам, а не по ее действиям и словам по ее репутации».

У кого-нибудь есть проблемы с этим?

То, что скрыто под завесой, оказывается довольно неприглядным: миссии Матери Терезы, поддерживаемые сворой аферистов, от первой леди Гаити Мишель Дювалье до комиссионера 1980-х Чарльза Китинга, меньше озабочены устранением бедности бедняков (и даже сопутствующей им физической боли), чем распространением этих вещей как их средств на пути к спасению в загробной жизни: «Суть не в честном облегчении страданий, а в провозглашении культа. основанный на смерти, страдании и подчинении». Самый разрушительный источник для Хитченса — это сама «Мать»: Она «никогда не делала вид, что ее работа — это что-то иное, кроме фундаменталистской религиозной кампании», через которую беднейшие из бедных, наименьшие из них, должны ухмыляться и терпеть, пока они

не превратятся из последних в первых.

Хитч есть Хитч, и он не может тут и там удержаться от того, чтобы излить его на назидательное наслаждение читателя. Комментируя решение обозревателя советов Энн Ландерс поделиться одним из рецептов Матери по улучшению мира («больше улыбайся»), он пишет: «... сомнительно, чтобы даже Энн Ландерс избрала принцип такой кретиничной снисходительности, как печенье с предсказанием, если бы он не имел одобрения Матери Терезы, одной из немногих неприкасаемых в ментальной вселенной посредственных и доверчивых».

Но *«Миссионерская позиция»* остается не столько полемикой, сколько исследованием, основанным на личной страсти. Подобно таким бесстрашным, также ушедшим из жизни коллегам, как Ориана Фаллачи и Ричард Капущинский, Хитченс путешествовал по миру к извержениям того, что его в основе своей волновало, а именно тирании. «Это, — пишет он в первоначальном предисловии к книге, — небольшой эпизод в нескончаемом споре между теми, кто знает, что они правы и поэтому претендуют на небеса, и теми, кто подозревает, что человеческая раса не имеет ничего, кроме жалкой свечи разума, которая могла бы освещать ее путь». Предпочитая «антитеизм» «атеисту», Хитченс любил проводить сравнения между христианством и Северной Кореей, оба ментальных царства предлагают своим обитателям возможность совершить «мысленное преступление» и воздать «вечную хвалу» лидеру.

Эта небольшая книга — часть большой карьеры, посвященной измельчению лицемерия, выкачиванию угнетения и максимальному увеличению свободы человека. Не проходило и дня, чтобы Хитч не попал в списки против какого-нибудь беззакония. Почти все его дела были благородными; некоторые были донкихотскими и, вероятно, не стоили его времени. Я помню одну статью, которую он написал полдюжины лет назад в защиту свободы слова для Дэвида Ирвинга, историка, отрицающего Холокост. Со своей обычной настойчивостью, он сделал оговорку, пытаясь сослаться на одного из редакторов Ирвинга, записав «Томас Мэллон» вместо «Томас Данн». О, радость, подумал я, увидев свое имя по ошибке рядом с именем Ирвинга на страницах *The Wall Street Journal*. Я отправил Хитчу электронное письмо, которое примерно начиналось так: «Я знаю, что для сыновей британских морских офицеров все мы должны казаться одинаковыми, но…» Он ответил поздно ночью «О, черт!» или словами в том же духе — никаких извинений, просто предписание явиться на следующий день на демонстрацию, которую он организовывал в поддержку датских художников-карикатуристов, которые недавно имели дерзость нарисовать пророка Мухаммеда. Я думал о том, чтобы пойти, знал, что должен, и, в конце концов, так и не сделал этого. Если вы хотите добавить еще одну эпитафию ко всем тем, которые уже были предложены для этого двойного человека-буквы/человека-действия, пусть это будет: Он Объявился. На протяжении всей своей жизни и времени, когда и где бы ни стояло на кону что-то важное, он представлялся.

Миссионерская позиция появилась в 1995 году, за восемь лет до беатификации Матери Терезы, событие, которое, как видел Хитченс, стремительно приближалось к нам. В своем тексте он отмечает, как Папа Иоанн Павел II так быстро готовил

столько кандидатов на этот повышенный статус «святости», что начался процесс «вспоминания крещения пожарными шлангами, с помощью которых китайские генералы христианизировали свои армии».

В этом случае Хитченс сыграл необходимую, хотя и отрицательную, роль в возвышении Матери Терезы, свидетельствуя перед официальным церковным органом о ее недостойности. Он объяснил задачу, взятую на себя в 2001 году, в журнале «*Свободное расследование*»: «Нынешний папа… упразднил традиционную должность «Адвоката дьявола», поэтому я взял на себя работу по представлению лукавого, так сказать, на безвозмездной основе. Меня это устраивает — я тоже не верю в Сатану. Жена писателя, Кэрол, помнит, как отослала Хитча к отцу Дэвиду О'Коннору из Вашингтонской епархии, чтобы выполнить это странное и бесполезное упражнение по разоблачению, а затем пригласила его домой на обед в их квартиру на Колумбия-роуд, как будто он только что вернулся с радиоинтервью.

Другим, еще более значительным событием — и это тоже произошло спустя годы после *«Миссионерской позиции»* — стала публикация писем Матери Терезы. Духовные сомнения, которые, как выяснилось, содержались в них, произвели сенсацию, достойную обложки *Time*. Позвольте мне привести только один отрывок: «Иисус питает к вам особую любовь», — писала Мать Тереза преподобному Майклу Ван Дер Питу в 1979 году, когда она получила Нобелевскую премию мира. «Что касается меня, то тишина и пустота так велики, что я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу». Нет, давайте процитируем еще один отрывок, на всякий случай, если это была минутная оговорка: «Мне говорят, что Бог любит меня — и все же реальность тьмы, холода и пустоты так велика, что ничто не касается моей души».

Вы имеете в виду, что не уверены?

Если бы эти письма были доступны ему в 1990-х годах, я мог бы услышать, как Хитченс задает именно этот вопрос матери Терезе, лицом к лицу, когда она показала ему приют в Калькутте. И мне кажется, что наличие таких сомнений делает ее предприятие еще более умопомрачительно самонадеянным: она ведь *не была* из «тех, кто знает, что они правы». Она не была уверена, что бедность, от которой она едва избавлялась, приведет ее страдальцев к вечной награде. Одно дело принять пари Паскаля и сделать ставку на существование Бога, какими бы ни были сомнения. Но привести тысячи других к игровому столу, настаивая на том, чтобы они удвоили свою мизерную горсть фишек?

После того, как у него диагностировали рак, я часто на коленях молился за Хитча, преодолевая все свои сомнения. Не для его души; только для его земного продолжения. Ничто так не беспокоило меня в течение долгих месяцев его болезни (и страданий), как необходимость наблюдать, как интервьюеры спрашивают его, не готов ли он сейчас изменить свое мнение по космическим вопросам. Он встречал такие расспросы с какой-то христианской снисходительностью, относился к ним как к еще одному поучительному моменту, в котором он мог объяснить свое положение. И на протяжении всего этого мрачного периода своим поведением и примером он давал мне одну конкретную религиозную уверенность, единственную за очень долгое время: если Бог действительно существует, Он был бы глубоко разочарован

любым отречением от неверия Кристофера Хитченса, этого впечатляющего произведения Его рук, самого достойного врага среди всех Его блестящих, своенравных сыновей.

Томас Мэллон, февраль 2012 г.

Можно с уверенностью утверждать, что вся популярная теология имеет своего рода аппетит к абсурду и противоречию… В то время как их мрачные опасения заставляют их приписывать Ему меры поведения, которые были бы порицаемы человеческими созданиями, они все же должны делать вид, что восхваляют и восхищаются этим поведением в объекте своих благочестивых обращений. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что народные религии действительно представляют собой, по представлению их наиболее вульгарных приверженцев, разновидность демонизма.

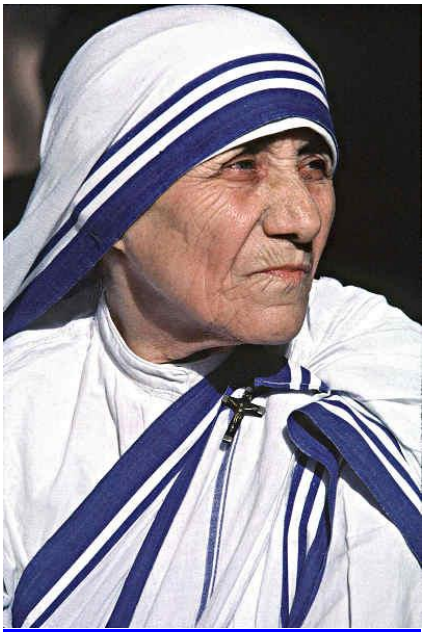
Дэвид Юм, «*Естественная история религии*»

Нечего бояться в Боге. Нечего чувствовать в смерти. Добро может быть достигнуто. Зло можно терпеть.

Диоген из Эноанды

Когда речь идет о вопросах религии, люди виновны во всевозможной нечестности и интеллектуальных проступках.

Зигмунд Фрейд, «Будущее иллюзии»



Благодарности

Кто был бы так подл, чтобы придираться к сморщенной старушке, в преклонном возрасте, которая всю свою жизнь посвятила нуждающимся и обездоленным? С другой стороны, кто будет настолько нелюбопытен, чтобы оставить без внимания влияние и мотивы женщины, которая когда-то хвасталась тем, что управляет более чем пятьюстами монастырями в более чем 105 странах — «не считая Индии»? Самоотверженный фанатик-одиночка или глава многонациональной миссионерской организации? Масштаб меняется вместе с перспективой, а перспектива меняется вместе с масштабом.

Как только принимается решение обойтись без трепета и благоговения, хотя бы на мгновение, феномен Матери Терезы принимает масштабы обыденности и даже политики. Это часть битвы идей и столкновения интерпретаций, и она не может претендовать на наличие невидимых средств поддержки. Первый шаг, как это часто бывает, является решающим. Мне до сих пор кажется удивительным, что никто никогда прежде не решился посмотреть на святого из Калькутты так, как будто сверхъестественное, возможно, не имеет к нему никакого отношения.

Я был очень обескуражен — поскольку я задавал самые очевидные вопросы и инициировал то, что вначале было самым формальным расследованием — почти всеми, с кем я разговаривал. Так что я должен упомянуть нескольких людей, которые подарили мне сердце и ответили на подразумеваемый вопрос — нет ничего святого? — со стоическим «нет». Виктор Наваски, редактор *The Nation*, и Грейдон Картер, редактор *Vanity Fair,* оба позволили мне написать раннюю полемику против Матери Терезы, хотя у них были все основания ожидать враждебной реакции читателей (которая, что интересно, не материализовалась). Созданием

документального фильма «*Ангел ада» для Четвертого канала,* который был показан в Великобритании осенью 1994 года и привел к ядовитым и иррациональным нападкам, я всем обязан Ване Дель Борго и Тарику Али из *Bandung Productions*, чьей идеей была эта идея, а также Вальдемару Янущаку из *Четвертого канала*, который, как говорится, «принял на себя удар». Светский мусульманин, светский еврей и светский польский католик составили прекрасную компанию в борьбе с такими, как г-жа Виктория Гиллик, борец за пагубную мораль, которая публично заявила, что наша программа была еврейско-мусульманским заговором против Единой Истинной Веры. Колин Робинсон и Майк Дэвис из Verso были непоколебимы в своем убеждении, что несколько слов стоят многих фотографий. Бен Меткалф был и остается великолепным редактором.

Это небольшой эпизод в нескончаемом споре между теми, кто знает, что они правы, и поэтому претендуют на небеса, и теми, кто подозревает, что у человечества нет ничего, кроме жалкой свечи разума, которая могла бы освещать его путь. Поэтому я также признателен за помощь, совет и поддержку трех героев в этой битве: Гора Видала, Салмана Рушди и Исраэля Шахака. Когда-то было хорошо сказано о критике религии, что критик должен срывать цветы с цепи не для того, чтобы люди носили эту цепь без утешения, а для того, чтобы они могли разорвать цепь и сорвать живой цветок. Поскольку фундаментальный монотеизм и поверхностный культ свидетельствуют об одном взгляде на человеческое будущее, и поскольку тысячелетие отбрасывает перед нами свою тень, для меня было привилегией быть солдатом со столь выдающимися свидетелями. Если запутанная и страшная предыстория нашего вида когда-нибудь подойдет к концу, и если мы когда-нибудь встанем с колен и сорвем эти цветы, не будет нужды в дымящихся алтарях и запретных храмах, чтобы чтить свободомыслящих гуманистов, презиравших страх смерти, чтобы принуждать и льстить беднякам.

> Эфиопы представляют себе своих богов черными и курносыми; Фракийцы голубоглазыми и рыжеволосыми. Но если бы у лошадей или львов были руки или они могли бы рисовать и формировать произведения, как это делают люди, то лошади рисовали бы богов в форме лошадей, а львы — в виде львов, делая богов похожими на самих себя.
>
> *Ксенофан*

Введение

Пока я пишу, на моем столе лежит старая копия *L'Assaut* («Атака»). Это был орган пропаганды личного деспотизма Жан-Клода Дювалье из Гаити. Как беспомощно толстый, скуластый и глупый сын очень худого, безжалостного и интеллигентного отца (Жан-Франсуа «Папа Док» Дювалье), дородный дофин был известен всем, и, к его явному смущению, как «Малыш Док». В попытке сохранить некоторое достоинство и установить личность, отдельную от родительской, *L'Assaut* носил подзаголовок *«Organe de Jean-Claudisme».*

Но это избегание более точного «Дювалье» лишь подчеркивало впечатление банановой республики, культа династии, которое оно стремилось рассеять. Под заголовком изображена смехотворная птица, похожая на очень пухлого и почти нелетающего голубя, но явно задуманная как голубь, судя по стилизованной веточке оливы, зажатой в ее клюве. Под мрачной птицей находится большой лозунг на латыни — *In Hoc Signo Vinces* («В этом знаке вы победите») — который, кажется, отрицает миролюбивые и травоядные намерения логотипа. Раннехристианские символы, такие как крест или рыба, иногда имели эту надпись. Я видел его приложением к памфлетам с другими рунами и фетишами, такими как свастика. Наверняка никто ничего не смог бы завоевать под знаменем с воспроизведенным здесь знаком.

Внутри, рядом с длинным и восторженным рассказом о годовщине свадьбы выпуклого первого гражданина Гаити и его знаменитой невесты Мишель Дювалье, находится большая фотография. На нем изображена Мишель, уравновешенная, крутая и элегантная в своем качестве лидера белой и креольской элиты Гаити. Ее сплетенные руки с любовью держит другая женщина, которая поднимает на нее взгляд, полный уважения и почтения. Рядом с картинкой цитата этой другой женщины, которая явно чувствует, что ее подхалимских жестов недостаточно и что нужно предложить еще и слова: «*Madame la Presidente, c'est une personne qui send, qui sait, qui veut prouver son amour non seulement par des mots, mais* ***aussi par des action concrètes et tangibles.*** "[1] Общество подхватывает крик с заголовком: *«Madame la Presidente, le pays resonne de votre œuvre».*[2]

Взгляд останавливается на картинке. Женщина, делающая эти щедрые комплименты, известна миллионам как Мать Тереза из Калькутты. Сразу напрашивается ряд вопросов. Во-первых, это случайно не подстава? Неужели ловкие редакторы *L'Assaut* сделали из ничего не подозревающей незнакомки эксплуатируемую посетительницу, вложили ей в уста слова, поставили в уязвимое положение? Ответ, по-видимому, будет отрицательным, потому что дата этого выпуска - январь 1981 года, и есть видеозапись посещения Гаити Матерью Терезой в том же году. На кадрах, которые были показаны в документальной программе CBS

[1] «Госпожа Президент — это тот, кто чувствует, кто знает, кто хочет продемонстрировать свою любовь не только словами, но и конкретными и осязаемыми действиями».

[2] «Госпожа президент, страна вибрирует от работы вашей жизни».

«*Шестьдесят минут»,* Мать Тереза улыбается в камеру и говорит о Мишель Дювалье, что, хотя в свое время она много встречалась с королями и президентами, она «никогда не видела, чтобы бедные люди были так хорошо знакомы со своим главой государства, как с ней. Это был прекрасный урок для меня». В обмен на эти и другие услуги Мать Тереза была награждена орденом *Почетного легиона Гаити.* А ее простое свидетельство, в теплом восхвалении правящей четы, показывали по государственному телевидению каждый вечер в течение как минимум недели. Известно, что Мать Тереза (у которой есть способы сделать свои взгляды широко доступными) не зарегистрировала ни одного протеста против этой видеозаписи между временем вручения премии и временем, когда гаитянский народ настолько «познакомился» с Жан-Клодом и Мишель, что у пары едва хватило времени, чтобы набить свой багаж Национальной казной, прежде чем навсегда бежать на Французскую Ривьеру.

Возникают и другие вопросы, все они касаются вопросов святости, скромности, смирения и преданности бедным. Помимо всего прочего, что Мать Тереза делала в Порт-о-Пренсе, посещая возможности для фотосессии и церемонии награждения с местной олигархией? Что, в самом деле, она вообще делала на Гаити? Миру необходимо изобразить ее в позе мучительной, но добровольной покорности, омывающей ноги калькуттских бедняков. Политика — не ее *профессия,* и уж точно не политика на другом конце мира, в душной карибской диктатуре. Гаити уже много лет славится, и по праву, как место, где с несчастными на земле обращаются самым жестоким образом. Кроме того, хорошо и ясно понятно, что это не результат ни стихийного бедствия, ни неизменного несчастья. Остров был собственностью особо черствого и жадного хищнического класса, применившего безжалостную силу, чтобы удержать бедняков и обездоленных на своих местах.

Давайте еще раз посмотрим на фотографию двух улыбающихся дам. С точки зрения принятых представлений о Матери Терезе она «сюда не подходит». Образ и восприятие — это все, и те, кто ими обладает, имеют возможность определять свой собственный миф, быть принятыми по собственной оценке. Поступки и слова оцениваются репутацией, а не наоборот. Так что поднесите фотографию к свету на

мгновение и постарайтесь запечатлеть «негатив». Возможно ли, что обратное черно-белое рассказывает не серую сказку, а более правдивую?

Также передо мной, когда я пишу, лежит фотография Матери Терезы, стоящей, скромно опустив глаза, в дружеских отношениях с человеком, известным как «Джон-Роджер». На первый взгляд случайному зрителю может показаться, что они стоят в калькуттских трущобах. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что обездоленные фигуры на заднем плане были добавлены в качестве фона. Картина является подделкой. Так, если уж на то пошло, Джон-Роджер, как лидер культа, известного иногда как «Проницательность», но точнее как MSIA («Движение Духовного Внутреннего Осознания», произносится как «Мессия»), он является мошенником чосеровского масштаба. Вероятно, наиболее известный широкой публике своей прибыльной связью с Арианной Стасинопулос-Хаффингтон, чей муж, Майкл Хаффингтон, потратил 42 миллиона долларов из унаследованных им денег на неудачную заявку на место в Сенате Калифорнии. Такое заявление трудно оспорить. Все равно можно подумать, что это было бы богохульством по отношению к простому мировоззрению Матери Терезы. И все же она здесь, составляет ему компанию и придает ему блеск своего имени и имиджа. Следует отметить, что MSIA неоднократно разоблачалась в печати как коррумпированная и фанатичная, а Cult Awareness Network называет эту организацию «крайне опасной».

Оказывается, на фальшивой фотографии запечатлен знаменательный случай, когда Мать Тереза приняла чек на 10 000 долларов. Она пришла в виде «Награды за честность», врученной самим Джоном-Роджером — человеком, который осознал свою божественность после дальновидной операции на почке. Без сомнения, апологеты Матери Терезы будут иметь свою защиту под рукой. Их героиня слишком невинна, чтобы обнаруживать нечестность в других. А 10 000 долларов — это 10 000 долларов и, как любил говорить Ленин (цитируя Ювенала), *pecunia non olet*: «деньги не пахнут». Так что же может быть более естественным, чем то, что она должна снова покинуть Калькутту, отправиться в Тинселтаун и поделиться своей аурой с гуру, утверждающим, что он выше самого Искупителя? Мы обнаружим, что Мать Тереза находится в компании с несколькими другими мошенниками и эксплуататорами, когда разворачивается эта маленькая история. В какой момент ее апологеты могли бы позволить себе этот небольшой оттенок скептицизма — такая ассоциация перестает быть случайной?

Последний набор фотографий закрывает это портфолио. Взгляните на Мать Терезу в молитвенном настроении, в окружении Хиллари Родхэм Клинтон и Марион Барри, когда она открывает приют для усыновления с восемью кроватями в пригороде Вашингтона, округ Колумбия. Это великий день для Мэрион Барри, который привел столицу к нищенству и коррупции и который прикрывает свою наготу, призывая к обязательной молитве в школах. Это великий день и для Хиллари Родэм Клинтон, которая почти в одиночку разрушила коалицию по национальному здравоохранению, на создание и развитие которой ушло четверть века.

Семена этой многократной возможности сфотографироваться, которая произошла 19 июня 1995 года, были посеяны в предыдущем марте, когда первая

леди совершила поездку по Индийскому субконтиненту. Молли Мур, прекрасный репортер *Washington Post,* участвовавшая в поездке, ясно дала понять в своих репортажах, что визит носил потемкинский характер:

> Когда кортеж Клинтон промчался вчера по сельской местности Пакистана, длинный забор из яркой ткани ограждал его от раскинувшейся тлеющей мусорной свалки, где дети прочесывали мусор, а несколько бедных семей построили хижины из обрезков картона, тряпок и пластика… такая себе деревня в горах. Она так и не пошла в поход (Секретная служба наложила вето на это предложение), но жители деревни получили мощеную дорогу, о которой просили десятилетиями.

Таким образом, западные лидеры на мгновение производят впечатление на бедняков мира, прежде чем улететь домой, сильно очистившись и отрезвившись от полученного опыта. Остановка в учреждении Матери Терезы является обязательным *условием* для всех знаменитостей, посещающих регион, и миссис Клинтон не собиралась нарушать прецедент. «Промчавшись мимо перекрестков, где автомобили, автобусы, рикши и пешеходы были загнаны назад, насколько мог видеть глаз», она прибыла в приют Матери Терезы в Нью-Дели, где, снова цитируя репортера с места происшествия, «младенцы, которые обычно не носят ничего, кроме тонких хлопчатобумажных подгузников, которые мало что делают, кроме как вызывают сыпь и усиливают запах мочи, были одеты в американские памперсы и недавно сшитые цветочные передники».

Один хороший поворот заслуживает другого, и поэтому последующий визит Матери Терезы в Вашингтон дал как миссис Клинтон, так и мэру Барри повод для безопасной и бесплатной рекламы. Новый центр усыновления на двенадцать коек находится в довольно зеленом и благопристойном пригороде Чеви-Чейз, и никто не осмелился упомянуть о более ранней поездке Матери Терезы в город в октябре 1981 года, когда она обратила свет своего лица на загнивающее гетто Анакостия. Анакостия, расположенная почти в изоляции на другом берегу Потомака, является столицей черного Вашингтона, и в то время существовали подозрения по поводу идеи миссионерской операции там, потому что жители, как известно, возмущались предположением, что они были беспомощными и жалкими выходцами из третьего мира. Действительно, прямо перед пресс-конференцией Мать Тереза обнаружила, что в ее офис грубо вторглась группа чернокожих. Ее помощница Кэти Сридхар продолжает рассказ:

> Они были очень расстроены… Они сказали Матери, что Анакостии нужны достойная работа, жилье и услуги, а не благотворительность. Мать не спорила с ними; она просто слушала. Наконец один из них спросил ее, что она собирается здесь делать. Мать сказала: «Сначала мы должны научиться любить друг друга». Они не знали, что на это сказать.

Ну нет. Но, возможно, потому, что они слышали это раньше. Во всяком случае, когда началась пресс-конференция, Мать Тереза смогла быстро прояснить все недоразумения:

> «Мать Тереза, чего вы надеетесь добиться здесь?»

«Радость любить и быть любимым».

— Это требует много денег, не так ли?

«Это требует больших жертв».

— Ты учишь бедных терпеть их участь?

«Я думаю, что это очень прекрасно, когда бедняк принимает свою долю, разделяет ее со страстью Христовой. Я думаю, что страдания бедняков очень помогают миру».

Мэрион Бэрри, конечно же, украсила мероприятие своим присутствием, как и преподобный Джордж Столлингс, чернокожий пастор церкви Святой Терезы. Четырнадцать лет спустя Анакостия превратилась в еще более ужасную трущобу, и преподобный Столлингс отделился от церкви, чтобы основать католицизм только для чернокожих, посвященный в основном себе. (Кроме того, в последнее время он был в неприятностях из-за того, что якобы оскорблял невиновность младшего прихожанина.) Только Марион Бэрри, переродившаяся в тюрьме и переизбранная демагогом, действительно освоила использование искупления.

Итак, снова посмотрите на фотографию Матери Терезы, заключенной в сестринских объятиях с Мишель Дювалье, одной из самых циничных, поверхностных и избалованных женщин современного мира: выбеленная гробница и паразит на «бедняках». Картина и ее контекст объявляют Мать Терезу такой, какая она есть: религиозным фундаменталистом, политическим деятелем, примитивным проповедником и сообщником мирских, светских властей. Ее миссия всегда была такой. Ирония в том, что ей так и не удалось заставить кого-либо поверить ей. Давно пора удостоить ее должной чести и поверить на слово.

Когда я попросил электронный указатель Библиотеки Конгресса предоставить мне список книг о Матери Терезе, он распечатал около двадцати наименований. Были *«Мать Тереза: помощь бедным* » Уильяма Джея Джейкобса; *«Мать Тереза: славные годы*» Эдварда Ле Джолли; *Mother Teresa: A Woman in Love,* которая выглядела более многообещающе, но оказалась написана тем же автором в том же духе; *«Мать Тереза: защитница больных*» Линды Карлсон Джонсон; *«Мать Тереза: Служительница страдающих людей мира»* Сьюзан Ульштейн; *«Мать Тереза: друг одиноких* » Кэрол Грин; и *«Мать Тереза: забота обо всех Божьих детях»* Бетси Ли — и это лишь самые яркие названия. Даже самая нейтральная из них — *«Мать Тереза: ее жизнь, ее труды»* доктора Лаша Гьерджи — оказалась своего рода религиозной брошюрой под видом биографии, составленной одним из албанских единоверцев Матери Терезы.

В самом деле, общий тон был настолько религиозным, что на мгновение он показался почти нормальным. Тем не менее, если вы повторите вслух вышеупомянутые титулы — Мать Тереза, помощница бедных, защитница больных, служанка страждущих, подруга одиноких — вы на самом деле подражаете призыву Девы Марии и импровизируете свое собственное «Аве Мария» или «Радуйся, Мария». Обратите внимание и на масштаб призыва — страдающие люди *мира, все* дети Божии. Здесь мы имеем дело со святым в процессе становления, места и реликвии

которого когда-нибудь будут почитаться и который уже является личным объектом последователей, не намного отличающихся от культа.

Нынешний Папа необычайно любит процесс канонизации. За шестнадцать лет он создал в пять раз больше святых, чем все его предшественники двадцатого века вместе взятые. Он также умножил количество беатификации, таким образом сохранив прихожую к лику святых. С 1588 по 1988 год Ватикан канонизировал 679 святых. Только за время правления Иоанна Павла II (по состоянию на июнь 1995 г.) была 271 канонизация и 631 беатификация. Несколько сотен дел находятся на рассмотрении, в том числе петиция о канонизации королевы Испании Изабеллы. Этот подход настолько стремителен и универсален, что напоминает крещение огненными шлангами, которым китайские генералы христианизировали свои армии; на одной церемонии 1987 года за один день были причислены к лику блаженных 85 английских, шотландских, валлийских и ирландских мучеников.

Святость — немалая претензия, потому что она дает силу ходатайствовать и позволяет молиться упомянутому святому. Многие папы не спешат канонизировать, как и Церковь, как правило, медленно признает чудеса и явления, потому что, если божественное вмешательство в человеческие дела признается слишком беспорядочно, возникает очевидная опасность. Если можно вылечить одного прокаженного, может спросить паства, то почему нельзя вылечить всех прокаженных? Допустите слишком легкое чудо, и станет труднее отвечать на вопросы о младенческой лейкемии или массовой бедности и несправедливости с неудовлетворительными формулами о том, что Господь предпочитает двигаться таинственными путями. Это старая проблема, и вряд ли она уступит методологии массового производства в отделе канонизации.

Хотя традиционно требуется, чтобы «святой» совершил хотя бы одно чудо, совершил «добрые дела» и обладал «героическими добродетелями», а также продемонстрировал сложное с точки зрения логистики качество вездесущности, многие люди, даже не католики, уже решили, что Мать Тереза — святая. Источники в ватиканской «Конгрегации по делам святых» (которая занимается рассмотрением сложных дел, таких как дело королевы Изабеллы) отказываются от своей обычной сдержанности, заявляя, что беатификация Матери Терезы и ее окончательная канонизация несомненны. Это завершение вряд ли может вызвать у нее недовольство, но, возможно, оно не входило в число ее первоначальных целей. Ее жизнь показывает, скорее, решимость стать основателем нового ордена — ее организация «Миссионеры милосердия» в настоящее время насчитывает около 4000 монахинь и 40 000 мирян — чтобы быть поставленной в один ряд со святыми Франциском и святыми Бенедиктом как автор «правила» и «дисциплины».

У Матери Терезы есть теория бедности, которая также является теорией подчинения и благодарности. У нее также есть теория власти, которая восходит к забытым словам св. Павла о «властях сущих», которые «предназначены Богом». Наконец, она эмиссар очень решительного и очень политизированного папства. Ее кругосветные путешествия — это не скитания пилигрима, а кампания, соответствующая требованиям власти. У Матери Терезы тоже есть теория морали. Эту теорию нетрудно понять, хотя и в ней есть свои сложности. И Мать Тереза очень

хорошо понимает использование библейского отрывка о том, что должно Цезарю.

Что же касается долга перед Богом, то это вопрос для тех, кто имеет веру, или для тех, кто, во всяком случае, испытывает облегчение от того, что это есть у других. У богатой части нашего мира плохая совесть, и албанская монахиня не виновата в том, что так много в остальном довольных людей решили жить за счет того, что они считают ее благотворительностью. Далее следует спор не с обманщиком, а с обманутым. Если Мать Тереза является объектом поклонения многих доверчивых и некритичных наблюдателей, то вина лежит не на ней и не только на ней. При постепенном создании иллюзии фокусник является лишь инструментом аудитории. Он может даже объявить себя обманщиком и искусным авантюристом и тем не менее обмануть толпу. *Populus vult decipi — ergo decipiatur.* («Люди хотят быть обманутыми — поэтому они будут обмануты».)

1. Чудо

Конвульсии в природе, беспорядки, чудеса, хотя и самые противоположные замыслу мудрого смотрителя, внушают человечеству самые сильные религиозные чувства.

Дэвид Юм, «Естественная история религии»

В общем, тайна, чудо и пророчество являются придатками баснословной, а не истинной религии. Это средства, с помощью которых так много лжи и заблуждения распространились по миру, и религия превратилась в ремесло. Успех одного самозванца воодушевлял другого, а успокаивающий залп добрых дел, продолжая благочестивое мошенничество, защищал их от угрызений совести.

Том Пейн, «*Эпоха разума»*

Таким образом, мы называем убеждение иллюзией, когда исполнение желания является выдающимся фактором его мотивации, и при этом мы игнорируем его отношение к реальности, точно так же, как сама иллюзия не придает значения проверке.

Зигмунд Фрейд, «Будущее иллюзии»

1.1

Заступничество, признак святости, требует удостоверения чуда. Матери Терезе уже поклоняются как чему-то большему, чем человеку, но она не превзошла нашу общую участь до такой степени, что Матерь-Церковь называет ее чудотворицей. Распечатка названий, предоставленная мне Библиотекой Конгресса, показала, что почти все они были опубликованы в 1980-х и 1990-х годах, и только просмотрев список, я заметил то, чего там не было: книги Малкольма Маггериджа 1971 года, в которой утверждалось, среди прочего, что чудо Матери Терезы уже *произошло.*

Книга Маггериджа «*Что-то прекрасное для Бога*» стала результатом одноименного документального фильма Би-би-си, показанного в 1969 году. Маггеридж, сделавший кое-какую карьеру на высмеивании ценностей телевидения и шоу-бизнеса, утверждает, что начал проект, не представляя, какое впечатление он может произвести. «Взгляд Матери Терезы на жизнь — бесплодная почва для копирайтеров, — говорит он, — и самые бедные из бедных, которых она лелеет, мало что дают в плане рейтингов». Если эта неискренняя оговорка была правдой, когда начались съемки, она перестала быть правдой вскоре после того, как произошла передача, поскольку именно по этому фильму и по этой книге мы можем датировать появление «образа» Матери Терезы на международной арене.

Существенным для проекта Маггериджа, да и вообще для всего культа Матери Терезы, является впечатление, что Калькутта — это адская дыра:

> Случилось так, что я прожил в Калькутте восемнадцать месяцев в середине тридцатых, когда работал там с газетой «*Стейтсмен»,* и нашел это место, даже со всеми удобствами европейской жизни — холодильником, прислугой, утренней прогулкой по Майдану или в клубе Джодхпур и так далее — едва сносным.

Со времен Маггериджа у города не только были огромные трудности, с которыми приходилось бороться, но он также был ареной трех крупных миграций страданий. Сама по себе разделенная глупым британским колониальным решением до обретения независимости, Бенгалия приняла на себя основную тяжесть раздела всей Индии на Индию и Пакистан в 1947 году. Война в Бангладеш в 1971 году, а затем межконфессиональные лесные пожары в Ассаме увеличили население Калькутты до числа, которое намного больше, чем оно может надеяться вместить. Фотографии людей, живущих на тротуарах, стали всемирно признанными символами нищеты. Акцент Матери Терезы на «самых бедных из бедных и самых низших из низших» укрепил впечатление о Калькутте как о городе ужасной тьмы, впечатление, которое справедливо раздражает многих бенгальцев.

Приятный сюрприз, который ожидает посетителя Калькутты, таков: она бедна, многолюдна и грязна, что трудно преувеличить, *но это совсем не отвратительно.* Его люди не инертны и не раболепны. Они работают и борются, и, как правило (особенно по сравнению с якобы более богатыми городами, такими как

Бомбей), они не попрошайничают. Это город Тагора, Рэя, Боса и Мринала Сена, великого расцвета культуры и национализма. Есть фильмы, театры, университетские факультеты и журналы, все высокого качества. Фотографии Рагубира Сингха свидетельствуют о жизненной силе людей, а также о красоте и разнообразии архитектуры. Преобладают светско-левые политики с очень сильным интернационалистским характером, что вряд ли нежелательно в регионе, столь отравленном грубой религией.

Когда я сам посетил этот город несколько лет назад, я сразу же почувствовал, что его обманула антикалькуттская пропаганда маггериджей всего мира. И когда я добрался до офиса Миссионеров Милосердия на Боз-Роуд, я испытал что-то вроде шока. Первой была надпись над дверью, которая гласила: «Кто любит обличение, тот любит знание». Я не знаю происхождения этой цитаты, но в ней было. Сама Мать Тереза устроила мне экскурсию. Меня не особенно заботило то, как она воспринимала поцелуи своих ног в сандалиях не более чем должное, но я решил воздержаться от суждения об этом — может быть, это был местный обычай, который я плохо понимал. В любом случае приют был трогательным. Очень маленький (не стыдно) и очень чистый, он имел обнадеживающий вид и, казалось, управлялся очаровательными и преданными людьми. Одна крохотная койка стояла пустой, ее обитатель не пережил ночь, и велась серьезная дискуссия о том, какую вакансию нужно заполнить. Я уже начал искать пожертвование, когда Мать Тереза повернулась ко мне и сказала жестом, который, казалось, охватывал всю сцену: «Смотрите, вот как мы боремся с абортами и контрацепцией».

Если бы не это, было бы пустяком указывать на сиюминутный вклад, который такое маленькое заведение вносит в такую гигантскую проблему. Но трудно провести какое-то время в Калькутте и прийти к выводу, что больше всего ей нужна кампания против контроля над населением. И, конечно же, Мать Тереза не делает этого суждения, основываясь на местных условиях. Она была принципиальным противником абортов и контроля над рождаемостью задолго до того, как туда попала. Для нее Калькутта — просто фронт в гораздо большей войне.

Фаталистическое отвращение Маггериджа к реальной Калькутте сделало его еще более восприимчивым к мистическому предписанию Матери Терезы для этого места, которое состоит в том, что оно страдает от того, что оно слишком далеко от Иисуса. Вследствие этого его доверчивость заставила его написать следующее, что стоит подробно процитировать. (Я должен предварить цитату, сказав, что в съемочную группу Маггериджа на BBC входил очень выдающийся оператор по имени Кен Макмиллан, который заработал отличную репутацию за свою работу над сериалом лорда Кларка по истории искусства «Цивилизация».)

> Этот Дом для умирающих тускло освещен маленькими окнами высоко в стенах, и Кен был непреклонен в том, что снимать там совершенно невозможно. У нас был с собой только один маленький фонарик, и осветить это место за то время, которое было в нашем распоряжении, было совершенно невозможно. Было решено, что Кен все же должен попробовать, но в качестве страховки он снял еще и фильм на открытом дворе, где некоторые из заключенных сидели на солнце. В обработанной пленке часть, снятая внутри,

была залита особенно красивым мягким светом, тогда как часть, снятая снаружи, была довольно тусклой и запутанной… Я сам абсолютно убежден, что технически необъяснимый свет и есть тот Добрый Свет, о котором говорит Ньюман в своем известном изысканном гимне.

Маггеридж также не пытался говорить метафорически. О любви, которую он наблюдал в доме, он писал, что это были:

светящиеся, как нимбы, которые художники видели и сделали видимыми вокруг голов святых. Я не нахожу ничего удивительного в том, что светимость регистрируется на фотопленке. Сверхъестественное — лишь бесконечная проекция естественного, как самый дальний горизонт — образ вечности. Иисус намазал грязью глаза слепого и сделал его зрячим.

Продолжая в том же духе некоторое время, Маггеридж заключил:

Именно для этого и нужны чудеса — для раскрытия внутренней реальности внешнего творения Божия. *Лично я убежден, что Кен записал первое настоящее фотографическое чудо.*

Маггеридж не преувеличивал, когда писал: «Боюсь, я говорил и писал об этом до скуки». Поэтому интересно получить прямое свидетельство самого Кена Макмиллана:

Во время *«Something Beautiful for God»* был эпизод, в котором нас привели в здание, которое Мать Тереза называла «Домом умирающих». Питер Чейфер, режиссер, сказал: «Ну, здесь очень темно. Как вы думаете, мы можем получить что-нибудь? И мы только что получили на BBC какую-то новую пленку от Kodak, которую у нас не было времени протестировать перед отъездом, поэтому я сказал Питеру: «Ну, мы можем попробовать». Итак, мы сняли его. И когда мы вернулись через несколько недель, месяц или два спустя, мы сидели в театре из камыша в Ealing Studios, и в конце концов появились кадры «Дома умирающих». И это было удивительно. Вы могли видеть каждую деталь. И я сказал: «Это потрясающе. Это экстраординарно». И я собирался сказать, знаете, трижды «ура Kodak». У меня не было возможности сказать это, потому что Малькольм, сидевший в первом ряду, развернулся и сказал: «Это божественный свет! Это Мать Тереза. Ты увидишь, что это божественный свет, старина. А через три или четыре дня я обнаружил, что мне звонят журналисты из лондонских газет и говорят что-то вроде: «Мы слышали, что вы только что вернулись из Индии с Малкольмом Маггериджем и стали свидетелями чуда».

И родилась звезда. Свидетельские показания Кена Макмиллана пришли слишком поздно, чтобы предотвратить распространение, в основном с помощью телевидения и средств массовой информации, которые Маггеридж притворно презирал, рассказывающее о «чуде». Вместо «первого подлинного фотографического чуда» этот эпизод на самом деле является чем-то более значительным. Это первое опровержение заявленного чуда, которое исходит не только от другого предполагаемого свидетеля указанного чуда, но и от его фактического автора в реальном времени. Таким образом, он заслуживает того, чтобы быть более широко

известным, чем он есть. Но вместо этого современные технологии и коммуникации обеспечили возможность передачи слухов и мифов с еще большей скоростью и эффективностью глазам и ушам доверчивых людей. Как прекрасно мы прогрессируем. Со времен *Нечто Прекрасного для Бога* критику Матери Терезы, как в мелочах, так и в большем, приходилось оперировать огромным весом общепринятых мнений, вес которого не облегчается тем фактом, что он в буквальном смысле состоит из иллюзии.

Маггеридж подкинул многим другим заложникам удачу во время своего фильма и своей книги. Только его обожающий взгляд, например, мешал ему увидеть диапазон интерпретаций, которые можно было бы применить к следующему эпизоду:

> Как говорит Симона Вейль, христианство — религия для рабов; мы должны сделать себя рабами и нищими, чтобы следовать за Христом. Несмотря на хроническую финансовую скудость Миссионеров Милосердия, когда я сыграл важную роль в направлении нескольких сотен фунтов в пользу Матери Терезы, она удивила и, должен сказать, очаровала меня, потратив их на чашу и киворий для своего нового послушника… Я полагаю, что ее действия можно было бы критиковать в том же духе, что и растрату нардовой мази, но это дало мне большое чувство удовлетворения в то время и впоследствии.

Конечно, если целью работы Матери Терезы является строгая религиозная прозелитизация и основание ордена с этой целью, не может быть никаких мыслимых возражений против того, чтобы она использовала благотворительные пожертвования, чтобы украсить алтарь вещами этого мира. Но те, кто делает пожертвования, похоже, не всегда осознают, что это главное. Мать Тереза, к ее чести, никогда не утверждала обратного. Она даже не удосужилась использовать библейскую историю о нардовой мази, чтобы успокоить Маггериджа, вместо этого сказав ему, что «ты будешь каждый день на алтаре рядом с Телом Христовым». Маггеридж тогда не был католиком, поэтому у него не было оснований возражать, что это было вдвойне хитроумным использованием понятия пресуществления. Он сам придумал алиби на нардовую мазь. (Это отрывок, в котором Иисус разбивает дорогой ящик с мазью исключительно о свои ноги. На наивное возражение, что предмет роскоши мог бы с большим эффектом быть проданным для помощи бедным, он возражает: «Бедные всегда с тобой». Я помню, как в детстве находил эту знаменитую мазь довольно неудовлетворительной. Либо человек избегает роскоши и служит бедным, либо нет. иллюстрируют нравоучительные рассказы, и в этом случае их пророческим благодетелям было бы честнее признать, что мы всегда *с* бедняками).

Скромность и смирение обычно считаются святыми качествами, однако Мать Тереза вряд ли может дать аудиенцию, не заявив об особых и личных отношениях с Иисусом Христом. В следующем разговоре между Маггериджем и его звездой, кто демонстрирует самоотверженную скромность?

> МАГГЕРИДЖ: Когда я думаю о Калькутте и о том ужасе, которого здесь так

много, мне кажется невероятным, что один человек может просто выйти и решить заняться этим делом.

МАТЬ ТЕРЕЗА: Я была уверена тогда и уверена до сих пор, что это Он, а не я.

Вот идеальное совпадение между интервьюером и испытуемым: Маггеридж считает, что бедняки Калькутты полны «ужаса», а Мать Тереза говорит, что не было бы смысла пытаться, если бы человек не был уполномочен небесами. Чуть дальше в интервью Маггеридж спрашивает следующее:

МАГГЕРИДЖ: Значит, вы не согласны с людьми, которые говорят, что в Индии слишком много детей?

МАТЬ ТЕРЕЗА: Я не согласна, потому что Бог всегда обеспечивает. Он обеспечивает цветы и птиц, все в мире, который он создал. И эти маленькие дети - его жизнь. Никогда не может быть достаточно.

Маггеридж одобряет этот ответ, вяло говоря, что с тем же успехом можно было бы спросить Мать Терезу, не слишком ли много звезд на небе. Весь диалог ведется в полусюрреалистической манере, как будто никто никогда не делал никаких аргументированных выводов о планировании семьи или демографической политике. Сказать, что детей *слишком* много, значит упустить суть, потому что они уже родились. Но сказать, что людей *не может быть* слишком много, значит (и не только в Индии) совершить как минимум грех высокомерия. Миссис Индира Ганди — кстати, политическая покровительница Матери Терезы — однажды начала преступную кампанию принудительной стерилизации в Индии. Ясно, что есть много способов неправильно ответить на вопрос о населении. С другой стороны, нет рационального способа сказать, что вопрос не возникает. И если бы было правдой, что Бог «всегда обеспечивает», то, очевидно, не было бы нужды в Миссионерах Милосердия вообще.

Прежде чем оставить позади веху Маггериджа, необходимо записать еще один диалог между ним и его гуру:

МАГГЕРИДЖ: Вы не думаете, что есть опасность, что люди могут ошибочно принять средства за цель и решить, что служение своим ближним является самоцелью? Как вы думаете, есть ли в этом опасность?

МАТЬ ТЕРЕЗА: Всегда есть опасность, что мы можем стать только социальными работниками или просто делать работу ради работы… Это опасность; если мы забудем, кому мы это делаем. Наши дела являются лишь выражением нашей любви ко Христу. Наши сердца должны быть полны любви к Нему, и поскольку мы должны выражать эту любовь в действии, то, естественно, самые бедные из бедных являются средством выражения нашей любви к Богу.

В фильме *«Что-то прекрасное для Бога»* есть эпизод, в котором Мать Тереза берет на руки брошенного и недоедающего ребенка. Ребенок выглядит болезненным, сморщенным и лишен особого очарования, которым обладают младенцы в этом возрасте, но старушка смотрит на него с бесстрашным ободрением и энтузиазмом и говорит: «Видите. В ней есть жизнь». Это, безусловно, позитивный момент. Нам было бы не хуже, если бы таких было больше. Но точно так же, как Мать

Тереза испортила мне свой лучший момент, подразумевая, что работа всей ее жизни была простым упражнением в пропаганде политики Ватикана в области народонаселения, она обесценивает свой собственный пример, говоря нам, как и выше, что гуманизм и альтруизм — это «опасности», которых нужно старательно избегать. Мать Тереза никогда не претендовала на то, что ее работа представляет собой нечто иное, как фундаменталистскую религиозную кампанию. И в приведенном выше отрывке мы по ее собственному признанию считаем, что «беднейшие из бедных» являются орудиями этого, поводом для благочестия.

2. Добрые дела и героические добродетели

Фань Чи спросил о мудрости. Мастер сказал: «Работать ради того, на что простые люди имеют право, и держаться подальше от богов и духов, проявляя к ним почтение, можно назвать мудростью».

Конфуций, «Книга Аналектов VI, 22»

Не было под рукой ни одного философа, который сказал бы ему, что нет сильного чувства без некоторого ужаса, как нет настоящей религии без небольшого фетишизма.

Джозеф Конрад, «Победа»

Звездный свет, звезды яркие… мы смотрим вверх и надеемся, что звезды смотрят вниз, мы молимся, чтобы были звезды, за которыми мы могли бы следовать, звезды, движущиеся по небу и ведущие к нашей судьбе, но это всего лишь наше тщеславие. Мы смотрим на галактику и влюбляемся, но вселенная заботится о нас меньше, чем мы о ней, и звезды остаются на своем пути, как бы мы ни хотели, чтобы они поступали иначе. Это правда, что если вы некоторое время понаблюдаете за вращением небесного колеса, вы увидите, как метеор упадет, загорится и умрет. Это не та звезда, за которой стоит следить; это просто неудачный камень. Наши судьбы здесь, на земле. Путеводных звезд нет.

Салман Рушди, «Последний вздох мавра»

2.1

Те, кто готов выслушать критику сомнительных мотивов Матери Терезы и явно запутанной социологической политики, все же склонны считать ее работу гуманной по своей сути. Конечно, рассуждают они, в жизни, посвященной благотворительности, есть что-то нравственно впечатляющее. Если бы не свидетельства тех, кто воочию видел недостатки и противоречия ее творчества, это могло бы быть достаточным аргументом в пользу того, что Мать Тереза должна была принести истинное благо страдающим людям мира.

Однако даже здесь записи несколько туманны и неравномерны, и на них распространяются те же ограничения, что и на остальную работу Матери Терезы: такая работа предпринимается не ради самой себя, а для пропаганды одного в высшей степени субъективного взгляда на человеческую природу и потребности, чтобы однажды она могла считаться блаженной основательницей нового порядка и дисциплины в самой Церкви. Даже в бытовых подробностях якобы «благотворительного» труда неоднократно обнаруживает себя это неразрешенное противоречие.

Возьмем в качестве одного из малоизвестных примеров визит доктора Робина Фокса на операцию Матери Терезы в Калькутте в 1994 году. Будучи редактором *The Lancet,* возможно, ведущего медицинского журнала в мире, доктор Фокс профессионально интересовался стандартами медицинской помощи и имел право высказываться по ним. Первые абзацы его доклада в номере журнала от 17 сентября 1994 г. также ясно дают понять, что он совершил свой визит, рассчитывая на благоприятное впечатление. Действительно, его тон слегка приподнятой вежливости никогда не покидает его:

> Есть врачи, которые звонят время от времени, но обычно сестры и волонтеры (некоторые из которых имеют медицинские знания) принимают решения, как могут. Я видел молодого человека, которого госпитализировали в плохом состоянии с высокой температурой, и ему прописали тетрациклин и парацетамол. Позже приехавший врач диагностировал возможную малярию и заменил хлорохин. Мог ли кто-нибудь посмотреть мазок крови? Мне сказали, что расследования редко допустимы. Как насчет простых алгоритмов, которые могли бы помочь сестрам и волонтерам отличить излечимое от неизлечимого? Опять нет. *Такой систематический подход чужд духу дома. Мать Тереза предпочитает провидение планированию; ее правила предназначены для того, чтобы предотвратить любое смещение к материализму*: сестры должны оставаться на равных с бедняками… Наконец, насколько компетентны сестры в управлении болью? Во время короткого визита я не смог оценить силу их духовного подхода, но был встревожен, узнав, что в формуляре нет сильных анальгетиков. Наряду с пренебрежением диагнозом отсутствие хорошей анальгезии указывает на то, что подход Матери Терезы явно отличается от движения хосписов. Я знаю, что предпочитаю.

Следует подчеркнуть, что состояние дел, описанное доктором Фоксом, не было похоже на положение в какой-то любительской, нищей клинике в зоне бедствия. Мать Тереза работает в Калькутте уже четыре с половиной десятилетия, и почти три из них она получала огромное количество денег и материалов. Ее «Дом для умирающих», который был частью ее владений, которую посетил доктор Фокс, не находится в стесненных условиях. Это так, как он описал, потому что так хочет Мать Тереза. Пренебрежение тем, что обычно понимается как надлежащая медицина или уход, не является поверхностным противоречием. В этом суть дела, та же сущность, что очевидна в веселой вывеске, снятой на стене морга Матери Терезы. Он гласит: «Сегодня я отправляюсь на небеса».

По словам многих других бывших добровольцев, доктор Фокс, возможно, нанес свой визит в необычайно хороший день или, возможно, о нем необычно хорошо заботились. Мэри Лоудон, волонтер из Калькутты, которая с тех пор много писала о жизни монахинь и религиозных женщин, может поделиться следующим свидетельством о Доме для умирающих:

> Моим первоначальным впечатлением были все фотографии и кадры, которые я когда-либо видел о Бельзене и подобных местах, потому что у всех пациентов были бритые головы. Нигде не было стульев, были только эти носилки. Они как носилки времен Первой мировой войны. Нет ни сада, ни даже двора. Нет, ничего. И я подумал, что это? Это две комнаты, в одной от пятидесяти до шестидесяти мужчин, в другой от пятидесяти до шестидесяти женщин. Они умирают. Им не оказывается много медицинской помощи. Им не дают обезболивающих, кроме аспирина, и, может быть, если повезет, бруфен или что-то в этом роде, от той боли, которая бывает при неизлечимом раке и от того, от чего они умирали…
>
> Им не хватило капель. Иглы они использовали и использовали снова и снова, и можно было увидеть, как некоторые монахини промывают иглы под краном с холодной водой. И я спросил одну из них, зачем она это делает, и она сказала: «Ну, чтобы почистить». И я сказал: «Да, но почему ты его не стерилизуешь? почему ты не кипятишь воду и не стерилизуешь иглы?» Она сказала: «Нет смысла. Нет времени».
>
> В первый день, когда я была там, когда я закончила работать в женской палате, я подошла и подождала на краю мужской палаты моего парня, который ухаживал за пятнадцатилетним мальчиком, который умирал, и американский врач сказала мне, что она пыталась лечить этого мальчика. И что у него была относительно простая болезнь почек, которая становилась все хуже и хуже, потому что он не принимал антибиотики. И ему действительно нужна была операция. Я не помню, в чем была проблема, но она мне сказала. И она была так зла, но в то же время очень покорна, какими многие люди становятся в такой ситуации. И она сказала: «Ну, в больницу его не возьмут». И я сказала: «Почему? Все, что вам нужно сделать, это вызвать такси. Отвезите его в ближайшую больницу, потребуйте, чтобы его лечили. Сделай ему операцию. Она сказала: «Они этого не делают. Они этого не сделают. Если они делают это для одного, они делают это для всех». И я

подумала — а этому пацану всего пятнадцать.

Имейте в виду, что глобального дохода Матери Терезы более чем достаточно, чтобы оборудовать несколько первоклассных клиник в Бенгалии. Решение не делать этого и вместо этого управлять бессистемным и капризным учреждением, которое подверглось бы судебным разбирательствам и протестам, если бы им управляла какая-либо ветвь медицинской профессии, является преднамеренным. Дело не в честном облегчении страданий, а в провозглашении культа, основанного на смерти, страдании и подчинении. Мать Тереза (которая сама, следует отметить, лечилась в одних из лучших и самых дорогих клиник и больниц на Западе во время приступов болезни сердца и старости) однажды рассказала об этой игре в записанном интервью. Она описала человека, который находился в последней агонии от рака и страдал от невыносимой боли. С улыбкой Мать Тереза рассказала на камеру то, что она сказала этому смертельно больному: «Ты страдаешь, как Христос на кресте. Значит, Иисус, должно быть, целует тебя. Не сознавая, в чем может быть обвинена эта ирония, она затем рассказала об ответе страдальца: «Тогда, пожалуйста, скажите ему, чтобы он прекратил целовать меня». Есть много людей, испытывающих острую нужду и боль, у которых были причины желать в своих крайностях, чтобы Мать Тереза была менее свободна в своих метафизических ласках и немного более внимательна к реальным страданиям.

После того, как я помог снять документальный фильм *«Ангел ада»* о недостатках Матери Терезы, который был показан на Четвертом канале в Англии осенью 1994 года, я получил ряд сообщений от бывших добровольцев и даже от бывших членов Миссионеров Милосердия. Некоторые хотели остаться анонимными, а некоторые, казалось, руководствовались мотивами мести или других личных расстройств. Моя практика цитирования тех, кого я считаю подлинными, такова: человек должен быть готов быть процитированным по имени и дать добросовестные ответы на некоторые второстепенные вопросы. Позвольте мне привести пример г-жи Элги Гиллеспи, автора, журналиста и когда-то редактора *The San Francisco Review of Books.* Имея опыт ухода за больными СПИДом, она провела некоторое время в филиале Матери Терезы в Сан-Франциско:

> Посланная готовить в ее общежитии, тактично названном «Дар любви» (это для бомжей с ВИЧ), я нашла с десяток очень больных мужчин; но те, кто не был очень болен, были исключительно подавлены, потому что им не разрешалось смотреть телевизор, курить, пить или приглашать друзей. Даже когда они умирают, близкие друзья не допускаются. Им никогда не разрешают пить, даже (или особенно) на похоронах их друзей и соседей по комнате, а некоторых выгнали за то, что они пришли домой в одежде! Когда я упомянул им об Олимпиаде, они выглядели еще более подавленными. «Мы не смотрим Олимпийские игры, — сказала сестра из Бомбея, — потому что приносим великопостную жертву». Когда они очень больны и очень религиозны (что часто бывает…) это не имеет значения, но с более способными мужчинами или мужчинами постарше это кажется невыносимым.
>
> Гватемальский писатель, с которым я там подружилась, отчаянно

пытался вырваться, поэтому моя подруга, которая тоже там готовит (афроамериканка, практикующая католичка), поддерживала его так долго, как могла. Ему стало намного хуже, и когда она умоляла его вернуться, потому что не могла возражать против него, он умолял ее оставить его, потому что знал, что они не лечили достаточно или должным образом, и боялся, что ему придется умереть без морфия…».

Многие волонтеры в общежитиях и клиниках от Калькутты до Сан-Франциско могут рассказать похожие истории. Особенно впечатляет свидетельство Сьюзен Шилдс, которая в течение девяти с половиной лет работала членом ордена Матери Терезы, живя ежедневной дисциплиной миссионера милосердия в Бронксе, Риме и Сан-Франциско. У меня есть ее разрешение процитировать ее неопубликованную рукопись «*В доме матери»,* представляющую собой честный, хорошо написанный отчет, предложенный женщиной, которая покинула миссионерскую организацию милосердия по той же причине, что и присоединилась к ней — из любви к своим ближним[3]. Если ее мемуары читаются как свидетельство бывшего члена культа, то это потому, что во многом так оно и есть. Она рассказывает, что в ордене на всех уровнях обеспечивается полное подчинение диктату одной женщины. Оспаривать авторитет не вариант.

Я смог успокоить свою недовольную совесть, потому что нас учили, что Мать ведет Святой Дух. Сомневаться в ней было признаком того, что нам не хватало доверия и, что еще хуже, мы виновны в грехе гордыни. Я отложил свои возражения и надеялся, что однажды пойму многие вещи, которые казались противоречиями.

…

Однажды летом сестрам римского послушника подарили много помидоров. Они не могли раздать помидоры, потому что все их соседи вырастили свои. Настоятельница решила, что сестры разложат помидоры и съедят их зимой. Когда Мать пришла в гости и увидела консервированные помидоры, она была очень недовольна. Миссионеры Милосердия ничего не хранят, а должны полагаться только на Божий промысел.

…

В Сан-Франциско сестрам предоставили в пользование трехэтажный монастырь со множеством больших комнат, длинными коридорами, двумя лестницами и огромным подвалом… Сестры не теряли времени, избавляясь от ненужной мебели. Из часовни убрали скамейки, натянули все ковры в комнатах и коридорах. Они вытолкнули из окон толстые матрасы и убрали из помещения все диваны, стулья и шторы. Жители района стояли на тротуаре и смотрели в изумлении.

Красиво построенный дом был построен в соответствии с образом

[3] Мне кажется позором, что такая оригинальная и смелая работа не нашла издателя, когда Папа может получить аванс в размере около 5 миллионов долларов за книгу, которую он не писал.

> жизни, призванным помочь сестрам стать святыми. Большие гостиные превратились в спальни, где кровати были сдвинуты вместе… Всю зиму в этом чрезвычайно сыром доме не было тепла. Когда я там жил, несколько сестер заболели туберкулезом.
>
> …
>
> В Бронксе разрабатывались планы по созданию нового дома для бедных. Многие из бездомных были больны и нуждались в более постоянном жилье, чем то, что предлагал наш ночлежный приют. Мы купили у города большое заброшенное здание за один доллар. Сотрудник предложил быть подрядчиком и договорился с архитектором о составлении плана ремонта. Правительственные постановления требовали, чтобы лифт был установлен для использования инвалидами. Мать не разрешала лифт. Город предложил оплатить лифт. Его предложение было отклонено. После всех переговоров и планов проект для бедных был заброшен, потому что лифт для инвалидов был неприемлем.

Этот последний эпизод может быть знаком некоторым читателям, потому что нью-йоркская пресса (фанатично преданная Матери Терезе, как и большинство представителей журналистской профессии) описала этот инцидент как случай «политкорректной» бюрократии, настаивающей на правах инвалидов и отрицающей усилия миссионеров. Правда с точностью до наоборот.

Можно возразить, что крайнюю простоту, даже примитивизм, следует предпочесть роскошному или развращающему стилю, который преобладал в прошлом над религиозными орденами. Мисс Шилдс говорила себе подобные вещи годами. Однако она поняла, что их жизнь была не аскетической, а режимом аскезы, жесткости, резкости и замешательства. Как и следовало ожидать, когда требования догмы вступают в противоречие с потребностями бедняков, уступают место последним.

Ее беспокоило то, что именно бедняки страдали от самодовольной приверженности сестер «бедности». Она знала об огромных количествах денег, совершенно искренне пожертвованных людьми «из всех слоев общества», которые безрезультатно задерживались на банковских счетах, о размерах которых даже многие из сестер ничего не знали. Сестрам редко разрешалось тратить деньги на бедняков, которым они пытались помочь. Вместо этого они были вынуждены ссылаться на бедность, тем самым манипулируя щедрыми, доверчивыми людьми и организациями, заставляя их давать больше товаров, услуг и денег. Мисс Шилдс стало не по себе из-за обмана, притворства и лицемерия — древней проблемы фарисеев и слишком показных публичных богослужений:

> Поток пожертвований считался знаком Божьего одобрения конгрегации Матери Терезы. Нам сказали, что мы получили больше подарков, чем другие религиозные общины, потому что Бог был доволен Матерью, и потому что Миссионерки Милосердия были сестрами, верными истинному духу религиозной жизни. Наш банковский счет уже был размером с целое состояние и увеличивался с каждой почтовой доставкой. На одном расчетном

> счете в Бронксе накопилось около 50 миллионов долларов… Те из нас, кто регулярно работал в офисе, понимали, что нам не следует говорить о своей работе. Пожертвования поступали и клались в банк, но никак не влияли на нашу подвижническую жизнь или на жизнь бедняков, которым мы пытались помочь.

Без ревизии невозможно с уверенностью сказать, что становится с кучей денег Матери Терезы, но можно *сказать,* какова истинная цель и характер ордена и для чего в первую очередь принимаются пожертвования. Сьюзен Шилдс снова:

> Для Матери важнее всего было духовное благополучие бедняков. Материальная помощь была средством достучаться до их душ, показать бедным, что Бог любит их. В домах для умирающих Мать учила сестер, как тайно крестить умирающих. Сестры должны были спрашивать каждого человека, которому грозила смерть, хочет ли он «билет в рай». Утвердительный ответ должен был означать согласие на крещение. Затем сестра должна была делать вид, что просто охлаждает лоб человека мокрой тряпкой, а на самом деле крестила его, тихо произнося нужные слова. Секретность была важна, чтобы не стало известно, что сестры Матери Терезы крестили индусов и мусульман.

Таким образом, меньшее лицемерие скрывает гораздо большее лицемерие. «Наша Конституция запрещала нам просить больше, чем нам нужно, но с деньгами в банке обращались так, как будто их не существовало». Таким образом, притворство скромности и смирения маскирует и жадность, и честолюбие, не говоря уже о высокомерии.

У меня также есть разрешение процитировать письмо, которое я получил от Эмили Льюис, семидесятипятилетней медсестры, работавшей во многих самых отчаянных уголках земли. В то время, когда она написала мне, она только что вернулась из очень тяжелого пребывания в Руанде (стране, о которой Мать Тереза умалчивает, возможно, потому, что римско-католическое руководство в этой стране было замешано в попытке геноцида народа тутси летом 1994 года). Показания г-жи Льюис следующие:

> Мой собственный опыт общения с Матерью Терезой произошел, когда ее чествовали на обеденном собрании Международной организации здравоохранения в 1989 году в Вашингтоне, округ Колумбия. Во время своей благодарственной речи она подробно говорила о своем неприятии контрацепции и своей деятельности по спасению нежелательных продуктов гетеросексуальной активности. (Она также коснулась СПИДа, заявив, что не хочет называть его бичом Божьим, но что он действительно кажется справедливым возмездием за неправильное сексуальное поведение). Хотя она сказала, что Бог может найти в своем сердце желание простить всех грешников, сама она никогда не позволит женщине или паре, сделавшей аборт, усыновить одного из «ее» детей. В своей речи Мать Тереза часто говорила о том, что Бог хочет, чтобы мы думали или делали. Как заметил мне мой сосед по столу (доктор медицины из организации «Помощь

международному развитию»): «Как вы думаете, требуется ли определенная доля высокомерия, чтобы предположить, что у вас есть прямая связь с разумом Бога?».

Не зайдет ли слишком далеко, уподобляя Мать Терезу некоторым из наших печально известных телеевангелистов, обращающих свою аудиторию к тому, что у Бога в сердце и разуме, в то же время поощряя и принимая все пожертвования?

Богатый мир любит и хочет верить, что кто-то где-то что-то делает для третьего мира. По этой причине он не слишком подробно исследует мотивы или действия любого, кто выполняет, пусть и опосредованно, этот мандат. Великая белая надежда встречает великую черную дыру; миссия к язычникам сочетается с утешительным мифом о Флоренс Найтингейл. Как всегда, истинный адрес миссионера — самоудовлетворение спонсора и жертвователя, а не нужды угнетенных. Беспомощные младенцы, брошенные изгои, прокаженные и неизлечимо больные — это сырой материал для демонстрации сострадания. Они не в том положении, чтобы жаловаться, а их пассивность и отвращение считаются безупречной чертой. Пора признать, что ведущий в мире представитель этого ложного утешения сама является демагогом, мракобесом и прислужницей земных властей.

2.2

Католическая церковь является безграничным источником очарования как для верующих, так и для сомневающихся и неверующих из-за своего отношения к сексу и продолжению рода. Его официальные догмы, заимствованные в основном от апостола Павла, но разработанные на протяжении веков, запрещают духовенству вступать в брак и запрещают женщинам быть священнослужителями. Гомосексуальные акты осуждаются, как и гомосексуалисты. Гетеросексуальные акты, совершаемые вне уз законного брака, осуждаются, как добрачные, так и внебрачные. Половой акт в браке осуждается, если его целью не является размножение. Секс в одиночестве табу. Проповедь такого набора запретов и их соблюдение мужчинами и женщинами, соблюдающими целибат, были благодатной почвой для бесчисленных размышлений, автобиографий и полемики от *«Исповеди святого Августина» до «Воспоминаний о католическом детстве»* Мэри Маккарти.

Благоговение перед жизнью, особенно в ее уязвимом состоянии *in utero,* есть *sine qua non* католического учения, обладающее большой нравственной силой даже в своих крайних формах. Женщина, испытывающая опасность при родах, например, должна пожертвовать своей жизнью ради жизни ребенка. (Иудаизм, который имеет не менее этические кодексы, имеет тенденцию навязывать противоположное решение для большего блага семьи). Когда в ходе агрессивной войны в Бангладеш, а затем в Боснии произошли массовые изнасилования, Мать Тереза в первом случае и Папа Римский во втором настойчиво призывали жертв не прерывать семя захватчика и нарушителя. Отдать ребенка на усыновление или воспитать его в духе, отличном от того, в котором он был зачат, — таков был приказ. Хотя может показаться гротескным читать нотации женщинам, которые находятся в таких отчаянных дилеммах, тем не менее, есть что-то впечатляющее и благородное в высоком приоритете, который Церковь придает потенциальной жизни. Люди, говорит он, богохульствуют, когда выбрасывают плод, потому что не могут присвоить себе право распоряжаться чужой жизнью и не могут притязать на знание будущего. В конце концов, дети, рожденные с ужасающими уродствами в грязных и переполненных домах, неоднократно бросали вызов всем материальным препятствиям и становились образцовыми или просто людьми.

Но благородство этого существенного учения скомпрометировано тем фактом, что оно зависит от ненужного богословского предположения об «одушевлении» — пункте, в котором Фома Аквинский утверждал, что жизнь стала человеческой и бессмертной. Здесь можно сделать два возражения, первое из которых состоит в том, что человеческая жизнь может и должна уважаться независимо от того, создана ли она творцом с бессмертной душой или нет; поставить одно положение в зависимость от другого — значит сделать уважение некоторым образом случайным. Во-вторых, если оплодотворенная яйцеклетка полностью человеческая, то все прерывания беременности на любом сроке и по любой причине следует расценивать как убийство. Это оскорбляет естественное или инстинктивное чувство в пользу беременной женщины и обитателя ее чрева, потому что стирает различие между эмбриональной группой клеток и человеком с

центральной нервной системой. Различие между абортами в первом и третьем триместре, различие, которое говорит как о нашей способности избегать казуистики, так и о нашем врожденном желании иметь право голоса в своих собственных судьбах, поэтому является недействительным в католическом учении. Некоторое огрубение аргументов противоположной стороны дела — аргументов, которые прямо и ненаучно определяют плод как простой придаток к телу женщины, — без сомнения, являются результатом конфронтации с этим абсолютистским указом.

Кроме того, существует тот факт, что католический запрет на аборты неразрывно связан с запретом на контроль над рождаемостью и контрацепцию. Опять же, речь идет не только о техническом и догматическом выводе о том, что определенные формы контрацепции, такие как некоторые версии внутриматочной спирали, которая изгоняет оплодотворенные яйцеклетки, на самом деле являются абортивными в фундаменталистском определении этого термина: запрет распространяется на все средства и методы предотвращения зачатия и даже на само намерение сделать это. Стремление к контролю над своей биологической плодовитостью столь же «естественно» для людей, как и желание иметь детей в первую очередь. Римско-католическая церковь одинока в осуждении стремления избавиться от капризов природы и эволюции, и Римско-католическая церковь обладает огромной политической властью над миллионами бедных и плодородных людей.

Учение Церкви, похоже, вообще отрицает какую-либо связь между быстрым экспоненциальным ростом населения и распространением и сохранением болезней, голода, нищеты, невежества и экологических бедствий. Не нужно быть последователем мрачного преподобного Мальтуса, чтобы сделать вывод, что такая связь действительно существует и что, более того, она работает и в другом направлении. В каждой изученной развивающейся стране можно обнаружить четкую корреляцию между ограничением размера семьи и жизненными шансами членов семьи. Там, где такие меры не могут быть приняты свободно, посредством воспитания и примера, они в отчаянии применяются авторитарными режимами. Перед нами грозный пример Китайской Народной Республики, которая ограничивает семью одним ребенком на человека и тем самым во имя коммунизма готовит будущее, в котором слова «брат» и «сестра» не будут иметь буквального значения. И у нас есть пример подруги и почитательницы Матери Терезы Индиры Ганди, предпринявшей демагогическую и жестокую попытку добиться мужской стерилизации путем сочетания запугивания и подкупа. (Рассказ Салмана Рушди «Свободное радио» блестяще показывает пафос и пустоту этих усилий). Конечно, это не добрые решения, но они свидетельствуют о серьезности проблемы, которую Церковь предпочла полностью игнорировать.

За последние десятилетия, и особенно после Второго Ватиканского собора, Римско-католическая церковь столкнулась почти со всеми видами культурного, доктринального и политического инакомыслия. В Латинской Америке, где она сталкивается с беспрецедентным вызовом со стороны евангелического протестантизма и популистского вызова так называемой «теологии освобождения»,

необходимость обновления священства привела к сомнению требования безбрачия. В Соединенных Штатах и Западной Европе собрание, по-видимому, ведет свои дела без учета канонического учения о контроле над рождаемостью. Гомосексуальные группы подали прошение о праве считаться истинными католиками, поскольку, если Бог не создал для них условия, возникает интересный вопрос о том, кто это сделал. Даже выдающиеся католические писатели консервативного толка, такие как Уильям Бакли и Клэр Бут Люс, сделали очевидный вывод о том, что непреклонная оппозиция противозачаточным средствам и признание их грехом, более или менее эквивалентным аборту, является, среди прочего, обесцениванием морального отношения к аборту как таковому.

Во всех этих дебатах наиболее последовательно реакционной фигурой была Мать Тереза. Фракция фундаменталистов в Ватикане нашла ее полезной в двух отношениях: во-первых, как рекламу добрых дел церкви для некатоликов; и, во-вторых, как мощный инструмент морального убеждения в рядах существующих верующих. Она не упустила возможности переформулировать элементарные догмы (подобно тому, как она однажды сказала интервьюеру, что, если бы ей пришлось выбирать между Галилеем и авторитетом инквизиции, она бы встала на сторону церковных властей). Она выступала против абортов, против контрацепции и против идеи о том, что должны быть какие-либо ограничения для роста населения мира[4].

Когда Мать Тереза была удостоена Нобелевской премии мира в 1979 году, мало у кого хватило дурного вкуса спросить, что она когда-либо делала или хотя бы *утверждала,* что делала для дела мира. Ее выступление на церемонии инвеституры мало развеяло сомнения на этот счет и во многом увеличило их. Она начала речь с буквального изложения мифа о зачатии Христа, возможно, в честь праздничного характера этого дня: праздника Непорочного зачатия. Затем она начала свою обличительную речь:

> Я была поражена, когда узнала, что на Западе так много молодых людей употребляют наркотики. Я пыталась понять причину этого. Почему? Ответ: «Потому что в семье нет никого, кто заботился бы о них». Отцы и матери так заняты, что у них нет времени. Молодые родители работают, а ребенок живет на улице и идет своей дорогой. Мы говорим о мире. Это вещи, которые угрожают миру. Я думаю, что сегодня миру угрожают и аборты, а это настоящая война, прямое убийство ребенка собственной матерью. В Библии мы читаем, что Бог ясно сказал: «Даже если мать забыла своего младенца, Я не забуду его».
>
> Сегодня аборт — это худшее зло и величайший враг мира. Мы, те, кто сегодня здесь, были нужны нашим родителям. Нас бы здесь не было, если бы наши родители не хотели нас.

[4] В ходе подготовки к Всемирной конференции Организации Объединенных Наций по народонаселению 1994 года в Каире Ватикан зашел так далеко, что заключил временный союз с теми силами шиитского ислама, в основном представленными муллами Ирана, которые осуждали контроль над населением как империалистический заговор. Яблоко догмы, по крайней мере в этом случае, упало далеко от дерева прозелитизма и крестовых походов.

> Мы хотим детей, и мы их любим. Но как быть с остальными миллионами? Многие беспокоятся о детях, как в Африке, которые в большом количестве умирают либо от голода, либо по другим причинам. Но миллионы детей умирают преднамеренно, по воле их матерей. Ведь если мать может убить собственного ребенка, что помешает нам убить себя или друг друга? Ничего.

Нет особой необходимости выявлять заблуждения и искажения, которые нагромождаются здесь друг на друга. Немногие женщины, сделавшие аборт, даже те, кто все еще испытывает угрызения совести или сожаление, осознают себя совершившими настоящее детоубийство. Если есть «миллионы» детей, убитых таким образом, чтобы их можно было сравнить с миллионами детей, умирающих от недоедания и эпидемий, тогда явно нет никакой надежды на решение Матери Терезы об усыновлении. (Она утверждает, например, что спасла только три-четыре дюжины сирот от всей бангладешской катастрофы). Более того, этих впечатляющих цифр должно быть достаточно, по крайней мере, для того, чтобы заставить пересмотреть свое мнение о тех, кто провозглашает, что все беременности «желательны» по определению и что не может быть лишнего населения.

На обширной мессе под открытым небом в Ноке, Ирландия, в 1992 году Мать Тереза еще раз дала понять, что, по ее мнению, нет никакой связи между бедностью и нищетой, с которыми она «борется», и неспособностью очень бедных достичь уровня, на котором ограничение размера семьи становится рациональным выбором. Обращаясь к толпе верующих, она сказала: «Давайте пообещаем Богоматери, которая так любит Ирландию, что мы никогда не позволим в этой стране ни одного аборта. И никаких противозачаточных средств».

В данном случае она впала в последнее великое заблуждение и оскорбление, которому подвержено церковное учение об этом предмете. Ирландия сейчас в значительной степени светское общество. Это также общество, которое должно искать компромисс со своей огромной протестантской провинцией. Церковь претендует на право издавать законы в государствах, где она достаточно сильна, как для верующих, так и для неверующих. Таким образом, «мирный» гуманизм и милосердие Матери Терезы прямо переводятся в указание верующим беспрепятственно размножаться, в наставление остальным жить по законам, не установленным ими, и в нападение на идею несектантского государства. Что это делает для дела мира, в Ирландии нетрудно оценить. Что он делает для страдающего человечества, так это криминализирует или, по крайней мере, нормирует и ограничивает одно из немногих средств, когда-либо придуманных для его самоосвобождения. В церкви и за ее пределами часто говорят, что есть что-то гротескное в лекциях о сексуальной жизни, которые читаются теми, кто ее избегает. Учитывая то, что церковь запрещает женщинам проповедовать, это замечание обычно делается в отношении мужчин. Но учитывая, насколько эта церковь позволяет проповедовать фанатичной Матери Терезе, можно добавить, что призыв идти вперед и размножаться и не думать о завтрашнем дне звучит гротескно, когда его произносит пожилая дева, чье главное требование благоговения состоит в том, что она служит неизбежным проигравшим в этой самой лотерее.

2.3

В своем репутационном интервью с Малкольмом Маггериджем в журнале *Something Beautiful for God* Мать Тереза сделала следующее громкое заявление:

> Мы должны во всем исполнять волю Божью. Мы также даем особый обет, которого нет в других собраниях; это от всего сердца бесплатно служить бедным. Этот обет означает, что мы не можем работать на богатых; мы также не можем принимать никаких денег за работу, которую мы делаем. Наша служба должна быть бесплатной и для бедных.

Для многих этических гуманистов, а также для многих смутно религиозных людей, которые поддерживают или одобряют то, что они считают миссией Матери Терезы, приведенное выше утверждение является весьма важным. Кажется, что это избавляет Миссионеров Милосердия от мирской и финансовой хитрости, которые так изуродовали христианство в прошлом. И оно настаивает на том, что богачам не оказывают никаких услуг — утверждение, которое может привести неосторожных к выводу, что с них не требуется никаких пожертвований.

На самом деле миссионеры милосердия на протяжении десятилетий были получателями необычайной щедрости правительств, крупных фондов, корпораций и частных лиц. Напускная бедность, столь привлекательная для некоторых наблюдателей, затемнила это относительное изобилие. Так же, как и другое притворство — очень хорошо известное миссионерам по сбору средств на протяжении многих лет. В этой истории, ставшей торжественной повторением на тысячах палаточных собраний, необходимое пожертвование приходит как раз в тот момент, когда потребность в нем больше всего. Была ли партия одеял насущной необходимостью в преддверии суровой зимы? И действительно, в ту же ночь анонимный благотворитель оставил грузовик с одеялами на пороге миссии. Д-р Луш Гьерджи приводит особенно трогательный пример этого жанра в своей книге, пример не менее трогательный, потому что он написан так, как будто это понятие никогда раньше не было опробовано в печати:

> Однажды сестра Фрэнсис из города Агра позвонила Матери Терезе с просьбой о срочной помощи.
>
> «Мама, мне нужно 50 000 рупий. Здесь плачут и срочно нужно построить дом для детей».
>
> Мать Тереза ответила: «Это слишком, дочь моя, я перезвоню тебе; пока у нас ничего нет…» Через некоторое время снова зазвонил телефон. Это было агентство печати. "Мать Тереза? Это редактор агентства. Правительство Филиппин только что наградило вас премией Магсайсай. Сердечные комплименты! Речь идет о значительной сумме».
>
> Мать Тереза: «Спасибо, что сообщили мне».
>
> Редактор: «Что вы планируете делать с 50 000 рупий от приза?»
>
> Мать Тереза: «Что ты сказал? 50 000 рупий? Я думаю, что Господь хочет,

чтобы мы построили дом для детей в Агре».

По мере того, как ее телевизионная репутация распространялась, Мать Тереза получала все больше и больше наград и пожертвований. Индийское правительство вручило ей Приз Чудесного Лотоса. В 1971 году Ватикан присудил ей Премию мира имени Иоанна XXIII (д-р Гьерджи спешит сообщить нам, что по этому случаю «сама лауреат премии приехала в Ватикан на городском автобусе и была одета в свое индийское сари, стоимостью около одного доллара». Если это правда, то это было показным с ее стороны). Затем прямо в Вашингтон, чтобы получить награду Джона Ф. Кеннеди 16 октября. В следующем году, когда аукцион был в самом разгаре, правительство Индии улучшило свой относительно скромный приз «Чудесный лотос» и вручило ей более крупный приз на церемонии, на которой Индира Ганди публично плакала. В 1973 году настала очередь принца Филиппа продемонстрировать эмоциональную демонстрацию, которую он сделал, вручая премию Темплтона «за продвижение веры в мире». В присутствии своей жены, которая носит титул «Защитницы веры» против всех дел Рима и возглавляет семью, которой запрещено вступать в брак с католиком, королевский супруг передал 34 000 фунтов стерлингов. Два года спустя Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций пошла еще дальше, отчеканив специальную медаль с изображением богини Цереры, размахивающей стеблем пшеницы перед матерью Терезой, а на аверсе была надпись «Пища для всех: священный год 1975». Доходы от продажи медалей пошли миссионерам милосердия. Это был всего лишь шаг вперед до премии Альберта Швейцера, а затем до еще одного признания со стороны индийского правительства — на этот раз почетной степени, присуждаемой самой Индирой Ганди. (Будущая покровительница принудительной стерилизации тем временем стала главой правительства). В марте 1979 года международная премия Бальзана в размере четверти миллиона лир была вручена президентом Италии. Папа, к тому времени Иоанн Павел II, воспользовался ее визитом, чтобы принять ее на частной аудиенции. Таким образом, все стремилось к окончательному событию машины награждения, которая должна была сделать Мать Терезу лауреатом Нобелевской премии мира и наделить ее премией и чеком в декабре 1979 года.

Никто не удосужился подсчитать сумму призовых денег, полученных от правительств и квазигосударственных организаций миссионерами милосердия, и никто никогда не спрашивал, что стало с фондами. Однако можно с уверенностью сказать, что если бы все деньги были использованы на один проект, можно было бы, скажем, создать в Калькутте лучшую больницу во всем третьем мире. То, что каковы ни намерения, ни желания Матери Терезы, не может быть выведено из инцидента в Маггеридже. Это также может быть выведено из ее предпочтения разбрасываться деньгами и посвящать их религиозной и миссионерской работе, а не постоянному облегчению лишений. В любом случае, если она утверждает, что орден не требует денег от богатых и влиятельных и не принимает их от них, легко доказать, что это ложь.

Апологеты обычно заявляют, что Мать Тереза слишком невинна, чтобы считать деньги или оценивать тех, кто их предлагает, или считать, что они получают

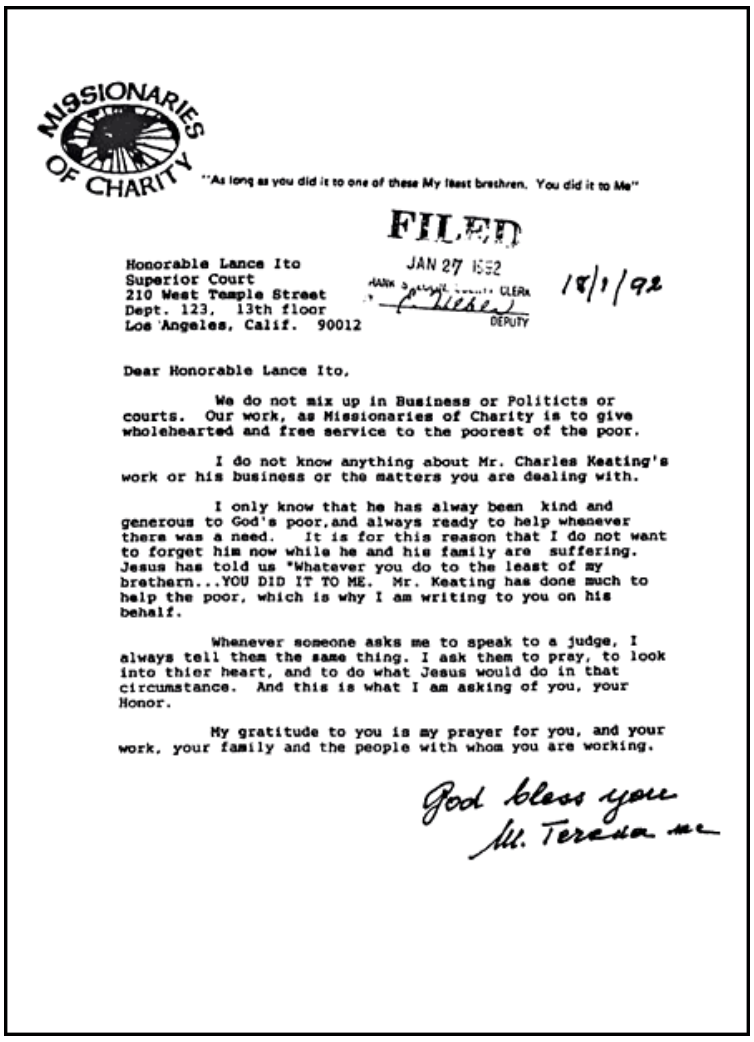
какую-то выгоду от своей предполагаемой щедрости в форме добродетели через общение. Забыв на мгновение о ее хвастовстве тем, что она вообще не принимает субсидии из рук в руки, мы могли бы согласиться с тем, что этот аргумент имел место в случае с покойным Робертом Максвеллом. Мистер Максвелл вовлек невольную Мать Терезу в схему по сбору средств, организованную его газетной группой, а затем, кажется (заставив ее присоединиться к нему в нескольких замечательных рекламных фотографиях), он скрылся с деньгами. Но Максвеллу действительно удалось одурачить некоторых очень опытных и несентиментальных людей в свое время, и хотя можно задаться вопросом, откуда у матери Терезы было столько времени для такого злого и жадного человека, все же можно с некоторой долей правдоподобия утверждать, что она была безупречным участником его циничных манипуляций.

Однако трудно, если не невозможно, утверждать это в случае г-на Чарльза Китинга. Сейчас Китинг отбывает десятилетний срок за участие в скандале со ссудно-сберегательными операциями — несомненно, одном из величайших мошенничеств в американской истории. В начале 1980-х, в период бума и дерегулирования первого президентского срока Рейгана, Китинг, среди других операторов, предпринял продолжительные и преступные нападения на депозиты мелких инвесторов Америки. Его методы были методами ложных проспектов и политического подкупа. (Вашингтонский жаргон до сих пор содержит выражение «пятерка Китинга» в честь пяти сенаторов Соединенных Штатов, которые оказывали ему услуги, получая огромные пожертвования на избирательную кампанию в виде денег других людей.) У Китинга были политические амбиции, а также финансовые, и, будучи консервативным католиком-фундаменталистом, он служил Ричарду Никсону в качестве члена высмеиваемой комиссии по расследованию пагубных последствий порнографии.

На пике своего воровского успеха Китинг сделал пожертвования (конечно, не из собственного кармана) Матери Терезе на сумму один с четвертью миллион долларов. Он также предоставил ей в пользование свой частный самолет. Взамен Мать Тереза позволила Китингу воспользоваться своим престижем в нескольких важных случаях и подарила ему именное распятие, которое он повсюду брал с собой.

В 1992 году, после череды политических и финансовых кризисов и самой дорогой операции по спасению американских налогоплательщиков в истории, Китинг наконец предстал перед судом. Он предстал перед Верховным судом в Лос-Анджелесе (его «Сберегательная ссуда Линкольна» была в основном калифорнийской операцией), где его заслушал печально известный позже судья Лэнс Ито. У суда мог быть только один исход: максимальное наказание, допустимое по законам Калифорнии.

В ходе судебного разбирательства Мать Тереза обратилась в суд с просьбой о помиловании мистера Китинга. Она не дала никаких объяснений своей первоначальной связи с ответчиком и не дала прямых показаний, смягчающих его разграбление сберегательной индустрии.



MISSIONARIES OF CHARITY

"As long as you did it to one of these My least brethren. You did it to Me"

FILED

JAN 27 1992

CLERK

DEPUTY

18/1/92

Honorable Lance Ito
Superior Court
210 West Temple Street
Dept. 123, 13th floor
Los Angeles, Calif. 90012

Dear Honorable Lance Ito,

We do not mix up in Business or Politicts or courts. Our work, as Missionaries of Charity is to give wholehearted and free service to the poorest of the poor.

I do not know anything about Mr. Charles Keating's work or his business or the matters you are dealing with.

I only know that he has alway been kind and generous to God's poor, and always ready to help whenever there was a need. It is for this reason that I do not want to forget him now while he and his family are suffering. Jesus has told us "Whatever you do to the least of my brethern...YOU DID IT TO ME. Mr. Keating has done much to help the poor, which is why I am writing to you on his behalf.

Whenever someone asks me to speak to a judge, I always tell them the same thing. I ask them to pray, to look into thier heart, and to do what Jesus would do in that circumstance. And this is what I am asking of you, your Honor.

My gratitude to you is my prayer for you, and your work, your family and the people with whom you are working.

God bless you
M. Teresa mc

Что бы вы ни сделали с меньшим из ваших братьев… ВЫ СДЕЛАЛИ ЭТО СО МНОЙ

Достопочтенному Лэнс Ито в Верховный суд

Дорогой достопочтенный Лэнс Ито! Мы не занимаемся бизнесом, политикой или судами. Наша работа, как миссионеров милосердия, состоит в том, чтобы искренне и бесплатно служить беднейшим из бедных. Я ничего не знаю ни о работе мистера Чарльза Китинга, ни о его бизнесе, ни о делах, которыми вы занимаетесь. Я знаю только, что он всегда был добр и великодушен к божьим беднякам и всегда готов помочь, когда бы ни потребовалось. Именно по этой причине я не хочу забывать его сейчас, пока он и они безмерно страдают. Иисус сказал нам: «Что бы вы ни сделали с меньшим из ваших братьев… ВЫ СДЕЛАЛИ ЭТО СО МНОЙ». Мистер Китинг много сделал, чтобы помочь бедным, поэтому я пишу вам от его имени. Наша служение – помогать страждущим. Я прошу всех молиться в своем сердце и делать то, что Иисус делал бы в таких обстоятельствах. И это то, о чем я прошу Вас, судья. Моя благодарность вам - это моя молитва за вас, вашу семью, работу, и людей, с которыми вы работаете.

Бог благословляет Вас. Мать Тереза

Сразу бросаются в глаза две вещи. Во-первых, хотя заявление о «бесплатных услугах беднейшим из бедных» сделано почти в тех же словах, что и Маггериджу, родственное заявление о том, что богатые не получают услугу за услугу, похоже, исчезло. Затем следует поразительная простота письма, как составленного, так и

представленного. Можно подумать, что это послание невинной старухи, которая ничего не знает о алчности и скандалах и которая наивно желает заступиться из соображений довольно поверхностного сострадания. Стенограмма весьма идеологизированной Нобелевской речи Матери Терезы, например, читается иначе. Она профессионально написана и представлена. И многие из других ее публичных выступлений демонстрируют гораздо более острое чувство реального мира, даже когда Мать Тереза предпочитает говорить по таким вопросам, как сексуальность и размножение, где она обязательно должна признать, что ее дисквалифицировали из-за неопытности.

Подозрение, что в апелляции может быть что-то *фальшиво-наивное, возникло также у г-на Пола Терли, который в качестве заместителя окружного прокурора Лос-Анджелеса был сообвинителем г-на Китинга.* По собственной инициативе и как частное лицо он написал и отправил обстоятельный ответ. Я воспроизвожу это ниже в первый раз:

> Дорогая Мать Тереза:
>
> Я заместитель окружного прокурора округа Лос-Анджелес и один из тех, кто работал над судебным преследованием вашего благодетеля, Чарльза Х. Китинга-младшего. Я прочитал ваше письмо судье Ито, написанное от имени мистера Китинга, в котором вы признаетесь, что ничего не знаете о бизнесе мистера Китинга или уголовных обвинениях, предъявленных судье Ито в отношении Китинга. Я пишу вам, чтобы дать краткое объяснение преступлений, за которые был осужден г-н Китинг, дать вам представление об источнике денег, которые дал вам г-н Китинг, и предложить вам совершить моральный и этический акт возврата денег их законным владельцам.
>
> Г-н Китинг был признан виновным в хищении у 17 человек более 900 000 долларов. Эти 17 человек представляли 17 000 человек, у которых г-н Китинг украл 252 000 000 долларов. Конкретные акты мошенничества г-на Китинга заключались в том, что он был источником ряда мошеннических заявлений, сделанных лицам, которые купили облигации у его компании, а также он был хранителем важной информации, которую он решил скрыть от покупателей облигаций, тем самым заманивая своих жертв в уверенность, что они делают безопасные инвестиции с низким уровнем риска. По правде говоря, их деньги использовались для финансирования непомерного и экстравагантного образа жизни мистера Китинга.
>
> Жертвы мошенничества мистера Китинга принадлежат к самым разным слоям общества. Некоторые из них были богаты и хорошо образованы. Большинство из них были людьми со скромным достатком и незнакомы с крупными финансами. Один из них действительно был бедным плотником, который не говорил по-английски, и его сбережения были украдены мошенничеством мистера Китинга.
>
> Библейский лозунг вашей организации: «Что бы вы ни сделали с меньшим из ваших братьев… ВЫ СДЕЛАЛИ ЭТО СО МНОЙ». «Наименьшие» из

братьев находятся среди тех, кого г-н Китинг обчистил, не дрогнув. Как вы хорошо знаете, божественное прощение доступно всем, но прощению должно предшествовать признание греха. Мистер Китинг не только не признал своих грехов и преступлений, но и самодовольно обвиняет других в своих проступках. Ваш опыт, как ни странно, с бедняками. Мой опыт был с мошенником и виновником мошенничества. Нередко «мошенники» щедры на семью, друзей и благотворительность. Возможно, они верят, что за их щедрость можно купить любовь, уважение или прощение. Однако время, когда покупка «индульгенций» была приемлемым методом поиска прощения, умерло вместе с Реформацией. Ни церковь, ни благотворительность, ни организация не должны позволять использовать себя как бальзам для совести преступника. Мы все благодарны за возможность прощения, но все мы также должны выполнять свой долг. Это включает в себя судью и жюри. Напоминаю себе библейское наставление пророка Моисея: «О человек, что есть добро и чего требует от тебя Господь. Чтобы творить справедливость, любить милосердие и ходить смиренно».

Нас призывают любить милосердие, но мы должны поступать справедливо.

Вы призываете судью Ито заглянуть в его сердце — как он приговаривает Чарльза Китинга — и сделать то, что сделал бы Иисус. Я бросаю вам тот же вызов. Спросите себя, что сделал бы Иисус, если бы ему были даны плоды преступления; что сделал бы Иисус, если бы у него были украденные деньги? Что сделал бы Иисус, если бы его использовал вор, чтобы успокоить свою совесть?

Я утверждаю, что Иисус немедленно и без колебаний вернет украденное имущество его законным владельцам. Вы должны сделать то же самое. Мистер Китинг дал вам деньги, которые он украл путем мошенничества. Не позволяйте ему «снисхождения», которого он желает. Не держите деньги. Верните их тем, кого он ограбил!

Если вы свяжетесь со мной, я свяжу вас с законными владельцами собственности, которая сейчас находится в вашем владении.

С уважением,Пол В. Терли.

Три года спустя г-н Терли не получил ответа на свое письмо. Никто не может объяснить и пропажу денег: святые, похоже, не подвержены ревизии.

Это далеко не единственный пример тайного отношения Матери Терезы к деньгам, равно как и ее лицемерных заявлений о красоте бедности, добровольной или иной. Но это самый ясный и лучше всего задокументированный пример, и он является доказательством против обычной апологетики о невиновности и не от мира сего. В своих отношениях с преступниками, как и в отношениях с властью, Мать Тереза царствует в царстве, которое очень похоже на этот мир.

3. Вездесущность

Естественно, есть загадки. Я хотел бы знать, конечна ли Вселенная или бесконечна. Еще лучше я хотел бы быть уверенным, что эти два слова бессмысленны. Но, за исключением той головоломки, которая делает наше путешествие здесь интересным и побуждает к нашим играм в вопросы, я не вижу никакой тайны в основе вещей и нахожу утешение в крайне непопулярном изречении Витгенштейна: «Философия просто ставит перед нами все, ничего не объясняя и не делая выводов. Поскольку все открыто для обозрения, объяснять нечего. Ведь то, что скрыто, например, нас не интересует».

Гор Видал, «Две сестры»

Библия повелевает нам любить наших врагов. Я очень люблю Папу.

Отец Жан-Бертран Аристид, президент Гаити

3.1

В определенный момент периода своего средневекового господства Римская церковь была вынуждена столкнуться с проблемой теории и практики. Если человеческая душа может быть искуплена только принятием новозаветного канона — рождения, жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа — то что же будет с теми, кто никогда не слышал этой новости? Это были не еретики или неверные, которых следовало убить или сжечь, а люди, страдавшие от «непобедимого невежества». Они делились на две категории: те, кто жил в частях мира, не посещаемых и не затронутых верой, и те, кто умер до начала христианской эры. (Существовала и третья категория, а именно ученики самого Иисуса, которые тоже никогда не читали библейской истории. Но они были и остаются освобожденными). Мало что можно было сделать для тех, кто умер до рождения Христа, хотя Данте сделал для них все, что мог, и в Символе веры есть отрывки, в которых говорится об Иисусе, сходящем в ад, чтобы совершить какое-то ретроспективное искупление. Но для тех, кто жил в нехристианских землях, было установлено, что работа по обращению является императивом.

В каком-то смысле жаль, что это произведение навсегда останется в памяти как связанное либо с завоеванием, либо с религиозным братоубийством, либо с империализмом. Очень часто главным следствием был кровавый конфликт между различными ветвями самого христианства. (Например, спустя много времени после того, как католические крестоносцы добрались до Иерусалима, они разграбили православный и византийский Константинополь.) В более поздние эпохи и католические, и протестантские миссионеры проникали во внутренние районы Китая и Японии, в самые отдаленные уголки Африки и Южной Америки, но их присутствие было неотделимо от фактории и гарнизона. В ходе выгодного партнерства с рабством, колониализмом и принудительным трудом христианская «цивилизаторская миссия» часто наталкивалась на сильно укоренившиеся местные религии. Там, где она не адаптировалась к ним или не уничтожила их верующих, она мало продвинулась вперед. В Индии, которая оспаривалась в качестве трофея между четырьмя главными европейскими державами, прежде чем перейти под британский суверенитет, влияние христианства было относительно небольшим. Индийские власти, которые и по сей день с подозрением относятся к связи между прозелитизмом и иностранным вмешательством, обычно препятствуют миссионерской деятельности. Однако они оставили миссионеров милосердия Матери Терезы в основном в покое из уважения к всемирной репутации их основателя. Таким образом, заведение Матери Терезы в Калькутте обладает элементами пафоса и ностальгии: это главный и одинокий пережиток того, что когда-то было обширным предприятием завоеваний и крестовых походов.

Когда 27 августа 1910 года в Скопье в албанской католической семье родилась девочка Агнес Бояджиу, идея «миссии» как призвания еще была жива. И в этом регионе вчера, как и сегодня, верность Церкви была больше, чем просто конфессиональным делом. Она была и остается пронизанной серией привязанностей к нации, региону и даже партии. Мы достаточно мало знаем о

молодости Агнес, и религиозные трактаты, написанные о ней, не очень информативны, но кажется, что ее отец Никола, преуспевающий владелец магазина, погиб в националистической ссоре, когда девочке было всего восемь лет. Семья была очень религиозной и принадлежала к приходу Святого Сердца, который в Скопье был синонимом албанской идентичности. Под влиянием священника-иезуита она увлеклась миссионерской работой и в возрасте двенадцати лет, по собственной инициативе, впервые пришла к мысли, что ее жизнь должна быть посвящена проповеди среди бедных. Но она сказала Малкольму Маггериджу, что «вначале, между двенадцатью и восемнадцатью, я не хотела становиться монахиней. Мы были очень счастливой семьей. Но когда мне было восемнадцать, я решила покинуть свой дом и стать монахиней». Поступив в монастырь — Конгрегацию сестер Пресвятой Девы Марии Лорето — она уехала из Скопье в Загреб, а оттуда отправилась в Дублин, где по сей день находится штаб-квартира сестер Лорето. Вскоре после Рождества 1928 года ее корабль пристал к берегу в Коломбо по пути к миссии Лорето в Бенгалии.

Рассказ о молодости Агнес, данный доктором Гьерджи, интригует своей фрагментарностью. Мы узнаем, например, что будущий брат Матери Терезы, Ладзаро, «уехал в Италию в 1939 году, оставался там во время и после войны и, наконец, умер там». Мы также узнаем, что «когда осенью 1910 года сербы достигли Скопье, миссионерам пришлось ограничить свою пастырскую деятельность самим городом. Ситуация ухудшилась с началом войны в 1914 году». Из этого краткого рассказа мы можем только догадываться о влиянии на пылкую семью Бояджиу второй Балканской войны и двух мировых войн. Тем не менее, можно предположить определенный фон.

Албанцы делятся на представителей народов тоск и гег, разделенных на юг и север соответственно рекой Шкумбини. Большинство из них исповедуют ислам, среди тосков есть православное меньшинство, а среди гегов - католики. Геги, в число которых входит семья Бояджиу, населяют спорный регион Косово. Сейчас Косово является «автономным регионом» Сербии, где проживает албанское большинство, но оно также является домом для самого священного поля битвы православных сербов — места разгрома турками в четырнадцатом веке.

В 1927 году король Албании Зог подписал договор с Бенито Муссолини, по которому Албания превратилась в эффективный протекторат итальянского фашизма. Договор предусматривал обучение албанских военных итальянскими офицерами и перевод Банка Албании в Рим. Еще до последующего подписания Конкордата между Муссолини и Ватиканом, который дал папское одобрение фашистскому проекту, договор установил благоприятные условия для принятия римского католицизма по всей Албании. Церкви было разрешено открыть множество школ, а школы, находящиеся в ведении греческих православных властей, были закрыты. (Греция обратилась с Албанией в Мировой суд по этому вопросу и в 1933 году выиграла знаменательное дело, определяющее права меньшинств на их собственный язык и религию.) Наступление Второй мировой войны также не уменьшило энтузиазма «Великой Албании» по отношению к Оси. Когда Гитлер захватывал Афины, Муссолини ждала делегация знатных албанцев, чтобы вручить

ему корону Скандербега, албанского национального героя.

Поразительным фактом этого периода является верность всех албанских экстремистов идее «Матери Албании». Когда Муссолини окончательно потерпел крах, албанские коммунисты под руководством Энвера Ходжи повторили на встрече албанских политических групп, в которую входили и фашисты, требование о присоединении Косово к Албании после войны. Сторонники Тито были достаточно сильны и достаточно весомы в Москве, чтобы опровергнуть это требование. Но многие из послевоенных членов кабинета Ходжи были не прошедшими чистку членами Албанской молодежи Ликтора, довоенного фашистского движения, лелеявшего идею военной экспансии. (Преемник Ходжи на посту диктатора Рамиз Алия был одним из тех, кто совершил этот странный, но, казалось бы, последовательный переход по политическому спектру).

До войны идеи фашизма, католицизма, албанизма и албано-итальянского единства были тесно связаны. Впоследствии религиозная идентичность была официально подавлена провозглашением Ходжи «первого в мире атеистического государства». Тем не менее, данные свидетельствуют о том, что ирредентистская идеология сохранялась под сталинистской маской и имела, по крайней мере, такое же отношение к внешнеполитической ориентации Албании, как и любой предполагаемый доктринальный раскол по поводу канонических текстов Маркса и Ленина. Иными словами, албанский католический националист может в «патриотических» вопросах все еще чувствовать себя лояльным к якобы материалистическому коммунистическому режиму.

Как иначе объяснить следующую запись из «*Ежегодника по международным коммунистическим делам» за 1990 г.,* издаваемого Гуверовским институтом Стэнфордского университета и освещающего события во всех странах коммунистического мира?

> После того, как многочисленные предыдущие попытки получить визу были отклонены, в августе правительство разрешило Матери Терезе посетить Тирану… Хотя визит назывался «частным», Мать Терезу приняли госпожа Ходжа, министр иностранных дел Рейс Малиле, министр здравоохранения Ахмет Камбери, председатель Народного собрания Петро Доде и другие государственные и партийные деятели. Монахиня албанского происхождения и лауреат Нобелевской премии мира по долгу службы возложила венок к памятнику «Матери Албании» и «отдала дань уважения и возложила букет цветов на могилу товарища Энвера Ходжи». Всемирно известная католическая монахиня не произнесла ни слова в адрес режима за его жестокое подавление религии.

Памятник «Мать Албания», стоит подчеркнуть, не является абстрактным символом сентиментальной государственности. Это эмблема дела Великой Албании. Близлежащий музей отображает границы этой амбиции в виде карты. Оказывается, «Мать Албания» включает — в дополнение к замученной провинции Косово — большую часть Сербии и Черногории, значительную часть бывшей югославской Македонии и большую часть той части современной Греции, которая сейчас

известна как Эпир.

У меня есть фильм, в котором «Мать Тереза» отдает дань уважения «Матери Албании» — а также ее покровителю, безжалостному бандиту Энверу Ходжа — и он вызывает тот же вопрос, что и печально известные объятия на Гаити: что делает женщина не от мира сего невинной и милосердной в *dans cette galère*? Апологеты говорят об албанском случае, что для Матери Терезы было вполне естественно совершить несколько поклонов, чтобы посетить могилы своих предков, а во втором случае необходимо было пойти на несколько компромиссов, чтобы ее ордену было позволено свободно действовать на Гаити. Интересно, что это не оправдания, которые были предложены самой матерью Терезой, которая держит свой собственный совет по обоим вопросам (и по многим другим, кроме того).

По крайней мере, стоит задуматься о том, совершила ли Мать Тереза обе эти поездки (и многие другие) в поддержку более жесткой политической позиции сторонников жесткой линии в ее собственной церкви. Личное поведение и сомнительная политика, по крайней мере, совпадают в каждом случае. В случае с Гаити Ватикан уже давно занял позицию в пользу «дювальеистской» олигархии. Когда преподобный отец Жан-Бертран Аристид начал свою кампанию харизматического популизма против режима, он столкнулся с мгновенной враждебностью со стороны церковной иерархии, которая в конечном итоге отстранила его от своего ордена. К тому времени, когда Аристид был триумфально избран, с позором свергнут военной хунтой и, наконец, восстановлен у власти благодаря международному вмешательству, Ватикан был единственным правительством в мире, которое еще сохраняло официальные дипломатические отношения с узурпировавшей его диктатурой. Таким образом, деятельность Матери Терезы отражала самую догматичную линию ее церкви.

Точно так же на Балканах крах и распад Югославии привели к возрождению по существу довоенного соперничества. Хорватия при поддержке Ватикана и Германии объявила себя независимым государством и восстановила многие знаки и эмблемы республики военного времени во главе с Анте Павеличем. Под защитой Ватикана и Третьего рейха это правительство уничтожило своих евреев и приступило к программе насильственного обращения православных сербов; тех, кто сопротивлялся крестовому походу, казнили. Одна только эта память и очевидное отсутствие сожаления по этому поводу способствовали развитию националистически-религиозной паранойи среди сербов, которые впоследствии развязали войну за территориальное и сектантское расширение, разрушив при этом города Вуковар и Сараево. Хорватская правящая партия во главе с Франьо Туджманом ответила тем, что отрезала себе кусок Боснии и разрушила город Мостар.

Еще более угрожающе существовала и до сих пор существует возможность того, что всеобщая война может разрушить границы бывшей Югославии и вновь столкнуть католиков с православными, а также тех и других, в различных местных сочетаниях, с исламом. В Тетово, албанском центре западной Македонии, а также в Косово местные фанатики говорят о Великой Албании как о ответе на Великую Сербию и расцветают своими изображениями Матери Терезы.

3.2

Вмешательство, будь то моральное или политическое, всегда и везде является вопросом самого тщательного выбора времени. Выбор времени и выбор места могут быть самыми красноречивыми. Так действительно могут быть моменты, когда ничего не сказано и не сделано. Мать Тереза любит заявлять, что она не столько выше политики, сколько на самом деле вне ее, действуя трансцендентным образом. Все заявления публичных лиц об аполитичности заслуживают критической проверки, а все претензии тех, кто оказывает чисто «духовное» влияние, заслуживают вдвойне критической проверки. Наивные и простые редко бывают такими наивными и простыми, какими кажутся, и это подозрение усиливается теми, кто провозглашает свою наивность и простодушие. Нет тщеславия, равного ложной скромности, и нет политики, подобной антиполитике, как нет мирского, чтобы сравниться с показным антиматериализмом.

Время Матери Терезы показывает все признаки инстинктивной гениальности. Она обладает интуицией о необходимости ее сообщения и о том, как это сообщение должно быть доставлено. Возьмем относительно небольшой пример: в 1984 году индийский город Бхопал стал ареной ужасающей промышленной катастрофы. Завод Union Carbide, который был расположен в городе, чтобы воспользоваться преимуществами низкой стоимости рабочей силы и государственных налоговых льгот, взорвался и пролил токсичные химикаты на большую часть населения. Две с половиной тысячи человек погибли почти сразу, а еще многие тысячи задохнулись от обжигающих легких выделений и навсегда ухудшили свое здоровье. Последующее расследование выявило закономерность небрежности и показало, что предыдущие предупреждения о безопасности на заводе были отложены или проигнорированы. Это было не «стихийное бедствие», как страховые компании любят формулировать это мелким шрифтом в своих контрактах, а шокирующий случай бессердечия со стороны гигантской транснациональной корпорации. Мать Тереза летела следующим рейсом в Бхопал. В аэропорту, встреченная толпами разгневанных родственников жертв, ее заставили дать им совет, и она сделала это без колебаний. У меня есть видеозапись этого момента. — Простите, — сказала она. «Простите, простите».

На первый взгляд, странновато. Откуда она знала, что есть что прощать? Кто-нибудь просил прощения? Каковы обязанности бедных перед богатыми в такой ситуации? И кто уполномочен рекомендовать или раздавать прощение? [5] В отсутствие какого-либо ответа на эти вопросы беглый визит Матери Терезы в

[5] Если я могу добавить сюда личный эпизод: осенью 1994 года газеты Калькутты попросили Мать Терезу прокомментировать « Ангела Ада», критический документальный фильм, который я и другие сняли о ее работе. Она не видела документальный фильм, но в ответ сказала, что «простила» нас за то, что мы его сняли. Это было странно, так как мы не просили прощения ни у нее, ни у кого-либо еще. Еще более странно, если у вас возникнет желание спросить, по какому праву она берет на себя право прощать. Есть даже некоторые сознательные христиане, которые сказали бы, что прощение, как и средство мести, предназначено для высшей силы.

Бхопал выглядел как поспешное упражнение по устранению ущерба, целесообразное сдерживание праведного светского негодования.

Вот еще один видеоклип, на этот раз о Матери Терезе в аэропорту Мадрида. Она прилетела, чтобы поддержать духовенство, которое оспаривает пост-франкистское законодательство, разрешающее разводы, аборты и контроль над рождаемостью. Толпа у терминала состоит из очень традиционных испанских правых, то здесь, то там в синих рубашках и с поднятой вверх правой рукой. Это одно из первых политических голосований, которое решит, превратится ли Испания в светское общество. Мать Тереза заняла свою позицию в этих дебатах, и она безоговорочно заняла консервативную сторону, при этом заявляя, что остается выше политики. Любое использование этой привилегии на самом деле является злоупотреблением, как это было в Knock.

В 1988 году в Лондон приехала Мать Тереза якобы для того, чтобы обсудить растущую проблему городских бездомных, которые ввели в свой язык фразу «Картонный город», живя в картонных строениях в парках и на набережной. Кратко поговорив на эту тему, Мать Тереза была сопровождена на Даунинг-стрит, 10, чтобы встретиться наедине с премьер-министром Маргарет Тэтчер. Миссис Тэтчер, как известно, была несентиментальна по отношению к обитателям «Картонного города», да и к большинству других форм человеческих неудач и поражений, и Мать Тереза ни в коем случае не хотела обсуждать бедственное положение бездомных. Две женщины собрались на конклаве по вопросу об абортах, который затем стал предметом законопроекта частного члена Палаты общин, спонсируемого депутатом-либералом Дэвидом Альтоном. Мистер Альтон, стремившийся ограничить доступность абортов, не сомневался в ценности вмешательства Матери Терезы. Он сказал репортерам, что ее встреча с Маргарет Тэтчер стала огромным стимулом для его кампании, и он взял на себя ответственность за организацию женского саммита. Что бы еще ни говорили об этом собрании, которое произошло накануне решающего парламентского голосования и сопровождалось целым цирком камер и писцов, термин «неполитический» к нему применим не очень легко.

А теперь фотография или пара фотографий. Мать Тереза ведет серьезный разговор с Рональдом Рейганом и главой его администрации Дональдом Рейганом. Оба мужчины носят выражения самой решительной искренности и возможности сфотографироваться внутри Белого дома в мае 1985 года. Мать Тереза была выбрана для вручения Президентской медали Свободы. Ее спутниками в этот день являются Фрэнк Синатра, Джеймс Стюарт и Джин Киркпатрик, а также другие получатели. В тот момент, когда затвор падает на этот кадр, у Рональда Рейгана есть все основания остерегаться католической восприимчивости. Его политика в Центральной Америке, которая привела к тому, что члены его кабинета защищали убийства четырех американских монахинь и архиепископа Сан-Сальвадора, крайне непопулярна среди избирателей. Одна из его наиболее смелых лжи — заявление о том, что он получил личное послание от Папы, поддерживающего его политику в отношении перешейка, — пришлось опровергнуть, вызвав значительное смущение. В подвале того самого здания, где сидит Мать Тереза, полковник морской пехоты по имени Оливер Норт (который отказался от католической церкви в пользу евангельского

пятидесятничества после того, как получил личное видение) трудится над предприятием, которое почти преуспеет в уничтожении породившего его президентства.

Выйдя на портик Белого дома в окружении Рональда и Нэнси, Мать Тереза знает, что сказать:

> Я совершенно недостойна этого щедрого подарка нашего президента, мистера Рейгана, его жены и вас, народа Соединенных Штатов. Но я принимаю во славу Божию и во имя миллионов бедняков, что этот дар духом и любовью проникнет в сердца людей.

Такого рода скромность — говорить за Бога и за бедных — теперь настолько стандартна с ее стороны, что ее даже никто не замечает. Затем:

> Я никогда не понимала, что ты так нежно любишь людей. У меня был опыт, я была здесь последний раз, меня нашла сестра из Эфиопии и сказала: «Наши люди умирают. Наши дети умирают. Мама, сделай что-нибудь». И единственный человек, который пришел мне на ум, пока она говорила, это был президент. И сразу же я написала ему, и я сказала: «Я не знаю, но это то, что случилось со мной». А на следующий день он немедленно организовал доставку еды нашим людям… Вместе мы делаем что-то прекрасное для Бога.

Это была большая похвала, чем Рейган мог просить или на которую он мог надеяться. Ему не только сказали, что он «так нежно любит народ», но и похвалили за его политику в Эфиопии. Эта политика, как оказалось, заключалась в поддержке притязаний правящей эфиопской хунты — Дерге — на предполагаемую «территориальную целостность» Эфиопской империи, в которую входил (тогда) восставший народ Эритреи. Генерал Менгисту Хайле Мариам преднамеренно применил оружие голодной смерти не только против Эритреи, но и против внутреннего и регионального инакомыслия в других регионах страны. Это не помешало Матери Терезе прислуживать ему и тем самым шокировать правозащитное сообщество, стремившееся изолировать его режим. Однако именно эта изоляция предоставила возможности для «миссионерской работы» тем немногим, кто был готов идти на компромисс. Придавать такой временной и выжидательной политике слабый запах святости, не говоря уже о уже знакомом намеке Матери Терезы на действие божественного провидения («И на следующий день было…») — это в высшей степени политично, но пресс-корпус Белого дома, намеренно игнорировавший такие соображения, должным образом отнесся к визиту и презентации со стандартной некритической трактовкой.

В этот же период Мать Тереза посетила Никарагуа и ухитрилась увещевать сандинистскую революционную партию. Кардинал-архиепископ Манагуа Мигель Обандо-и-Браво был в то время официальным покровителем и исповедником контрас и регулярно получал выплаты от Центрального разведывательного управления. Также в то время «*контрас*» ставили перед собой задачу сделать особой мишенью клиники, школы, молокозаводы и другие элементы «мягкой мишени» никарагуанской системы. А контрас поверили — почти предсказуемо — что на их стороне нерукотворная Дева, явившаяся в отдаленных северных районах страны. На

их стороне, несомненно, было самое могущественное государство в мире, открыто заявившее, что оно подчинит себе Никарагуа, усилив нищету своих граждан. Можно привести последовательные доводы в пользу проведения такой политики и использования церкви для ее поддержки, но каким бы разумным ни был этот довод, его ни при каких обстоятельствах нельзя назвать неполитическим или вдохновленным любовью к бедным.

В войне с никарагуанской «подрывной деятельностью» преднамеренно было унесено больше жизней, чем было спасено всеми миссионерами в Калькутте даже случайно. Однако этот грубый утилитарный расчет никогда не используется против Матери Терезы даже теми софистами, которые используют его моральный и физический эквивалент в ее пользу. Итак: молчание об эскадронах смерти, Дювалье и шумные жалобы на сандинистов, и весь этот акт окрещен как аполитичное вмешательство кем-то, чье царство не от мира сего.

Посещая Гватемалу в тот же период, когда поля смерти становились слишком отвратительными даже для местной олигархии и ее иностранных покровителей, и в то время, когда запланированное истребление гватемальских индейцев наконец стало глобальным заголовком, Мать Тереза промурлыкала: «Все было мирно в тех частях страны, которые мы посетили. Я не вмешиваюсь в такую политику». По крайней мере, в кои-то веки она не сказала, что все «красиво».

Послесловие

Мы считаем, что такая позиция, Чарли, не является проблемой демократов или республиканцев. Мы думаем, что это вопрос морали; это о том, что сострадательно; именно такие ценности представляет Мать Тереза.

Ральф Рид, председатель «Христианской коалиции» Пэта Робертсона , о *Чарли Роузе,* 21 февраля 1995 г.

УВАЖАЕМАЯ ЭННЛАНДЕРС!

Часто простые вещи в жизни могут иметь большое значение. Например, когда кто-то спросил Мать Терезу, как люди без денег или власти могут сделать мир лучше, она ответила: «Они должны больше улыбаться».

- Принц Джордж, Британская Колумбия

ДОРОГОЙ ПРИНЦ:

Какой прекрасный ответ. Спасибо.

22 мая 1995 г.

Каждый день встревоженные, отчаявшиеся и сбитые с толку люди пишут свои скромные нервные письма в колонку агонии Энн Ландерс. И каждый день их призывают обращаться за советом, обсуждать дела со своими министрами, поднапрячься, играть по правилам и смотреть на светлую сторону. Чаще всего по утрам бойкая колонка заканчивает свое живое изложение общепринятой мудрости «Жемчужиной дня», каким-то фрагментом здравого смысла или ироничным позитивным мышлением в стиле «Ридерз Дайджест». Недавно вышеупомянутый предмет был выбран в качестве ежедневного драгоценного камня. Многие американцы, воспитанные в национальной мечте об обещаниях, изобилии и возможностях, обречены переживать жизнь как разочарование и задаваться вопросом, виноваты ли они в них самих или в их звездах, что они вечные подчиненные. Если бы это было не так, Энн Ландерс осталась бы без работы, как и многие ее читатели. Но трудно представить многих неудачников, встречающих день с более квадратной челюстью или более твердой и упругой походкой в результате того, что они усвоили этот конкретный совет за завтраком без питательных веществ. Также сомнительно, чтобы изречение такой кретинической снисходительности было выбрано даже Энн Ландерс, если бы оно не имело одобрения Матери Терезы, одной из немногих неприкасаемых в ментальной вселенной посредственных и доверчивых.

Интеллектуальный снобизм? Только если задача интеллектуалов состоит в том, чтобы убедить мистера и миссис Среднего довольствоваться малым или

меньшим. Снова и снова, с тех пор как я начал судить о репутации Матери Терезы по ее делам и словам, а не по ее действиям и словам по ее репутации, меня упрекали и увещевали за то, что я высмеиваю домашних богов простого народа; за насмешку над женщиной, которая, используя старую цитату, «дает тем, кто в канаве, возможность увидеть звезды». Но не здесь ли обнажается подлинный интеллектуальный снобизм? Мы сами слишком искушены, чтобы верить в Бога, креационизм и все такое, говорят более продвинутые защитники культа Терезы. Но мы *верим* в религию — по крайней мере, для других людей. Это средство маркетинга надежды и дешевого внушения этических правил. Это также форма дисциплины. Последователи покойного американского гуру Лео Штрауса — человека, имевшего огромное влияние на республиканское правое крыло — прямо и ясно выражают этот циничный тезис в своих загадочных текстах. Должны быть философия и знания для избранных, религия и сентиментальность для масс. По причудливому совпадению политического оппортунизма эти силы Штрауса сегодня находятся в союзе с когортой христианских фундаменталистов, основанной Пэтом Робертсоном, но представленной на публике более косметическим Ральфом Ридом. Как видно из отрывка выше, мистер Рид умеет пользоваться сценарием, когда оказывается в затруднительном положении. Оспариваемый в своем проспекте «христианской Америки», которая заботится о людях до их рождения и после их смерти, но заинтересована только в духовном принуждении в промежутке между ними, мистер Рид немедленно тянется к голове Горгоны Матери Терезы и превращает своих вопрошающих в камень. Это было бы еще забавнее, если бы христианская коалиция не имела своих корней в самой вульгарной форме антикатолицизма, но как показала Мать Тереза в моменты ее общения с Джоном-Роже и Мишель Дювалье и как показала ее церковь в своем союзе с муллами и аятоллами, существует своего рода обратный экуменизм, который объединяет все версии «верных» против любой версии ужасного «светского гуманизма» Просвещения.

Агнес Бояджиу прекрасно знает, что ее завербовали такие люди, как Ральф Рид, что она является символом сбора средств для клерикальных националистов на Балканах, что она обеспечивает пиар-прикрытие для всевозможных сектантов и теневых бизнесменов (которые часто являются одним и тем же), что ее лицо красуется на огромных дорожных рекламных щитах, призывающих государство взять на себя ответственность за охрану матки. Ни словом, ни жестом она никогда не отвергала ни одну из этих связей или союзов. Ни разу она не удостаивала ответа на вопросы о своей дружбе с деспотами. Она просто хочет, чтобы ее воспринимали по ее собственной оценке и чтобы к ней обращались повсеместно как к «Матери Терезе». Таким образом, ее успех не является триумфом смирения и простоты. Это еще одна глава тысячелетней истории, восходящей к суеверному детству нашего вида и зависящей от эксплуатации простых и скромных хитрыми и целеустремленными.

Как заметил Эдвард Гиббон о способах поклонения, преобладавших в римском мире, они «расценивались народом как одинаково истинные, философы — одинаково ложными, а магистраты — одинаково полезными». Мать Тереза происходит от каждого элемента этого ужасного триптиха. Она сама намеренно затуманила предполагаемое различие между сакральным и профанным, не говоря уже о той грани, которая отделяет возвышенное от смешного. Давно пора было

подвергнуть ее рациональной критике, от которой она так высокомерно и так долго уклонялась.

КРИСТОФЕР ХИТЧЕНС

КНИГИ:

Заложник истории: Кипр от османов до Киссинджера

Кровь, класс и ностальгия: англо-американские иронии

Имперские трофеи: Загадочная история Элгинских мраморов

Почему Оруэлл имеет значение

Некому лгать: Триангуляции Уильяма Джефферсона

Письма Клинтона молодому противнику

Суд над Генри Киссинджером

Томас Джефферсон: автор книги «Америка»

Томас Пейн «Права человека»: биография

Бог не велик: как религия все отравляет

Портативный атеист

Хитч-22: Мемуары

Возможно: Очерки

БРОШЮРЫ:

Карл Маркс и Парижская коммуна

Монархия: критика любимого британского фетиша

Миссионерская позиция: Мать Тереза в теории и на практике

Долгая короткая война: отложенное освобождение Ирака

ЭССЕ:

Готовы к худшему: эссе и отчеты меньшинства ради аргументации

Непризнанное законодательство: публичные писатели

Любовь, бедность и война: путешествия и эссе

СОТРУДНИЧЕСТВО:

Джеймс Каллаган: Дорога к номеру десять (с Питером Келлнером)

Обвинение жертв (под редакцией Эдварда Саида)

Когда границы истекают кровью: борьба курдов (фотографии Эда Каша)

Международная территория: Организация Объединенных Наций (фотографии Адама Бартоса)

Vanity Fair's Hollywood (с Грейдоном Картером и Дэвидом Френдом)